

Улугбек ХАМДАМ

**БУНТ
И
СМИРЕНИЕ**

(И азъ воздам...)

роман

Ташкент
“Zar qalam”
2006

Перевод с узбекского **Н.ВЛАДИМИРОВОЙ**
Ответственный редактор **Г.ГАРИПОВА**

© У.Хамдам “Бунт и смирение”, “Zar qalam” 2006 год.

«В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО РАЯ...»

(Вместо предисловия)

Ощущение «катастрофичности мира», предопределившее, по мнению А.Белого, развитие литературы начала XX века, протянувшись через всю эпоху стало реальностью и для рубежа XX-XXI вв., обозначенную экзистенциальной воплощенностью в художественном сознании всех «проклятых вопросов» человеческого бытия.

И в современной узбекской прозе, пытающейся определить новые пути постижения бытийного смысла в этом кризисном, переломном пространстве, с ее обращенностью к вопросам *existentia*¹ человека и бытия, в центр выводится проблема самосознания современного человека, фиксирующего в своем «сокровенном Я» все эпохальные и вечные проблемы-трагедии. Главная из них - поиски Смысла жизни человеческой... Смысла, когда-то утраченного или не обретенного... Смысла человечности... Смысла рождения... смерти...

И об этом поиске, об этом блуждании человека среди лабиринта смыслов в движении к Истине, новый роман Улугбека Хамдама «Бунт и Смирение», - роман о стремлении постичь самую предельность бытия, заключенную между двумя ее субстанциями - Богом - творцом и Человеком - его созданием. Этим и задается та глубинная философизация, которая пронизывает все романские уровни, его стиль, предопределяя символику, психологизируя в онтологическом ключе образы.

Улугбек Хамдам переворачивает привычное понимание бытия как «философской категории, обозначающей реальность, существующую объективно, вне и независимо от сознания человека»². Он создает такую текстовую реальность, в которой бытие есть, в первую очередь, человеческое сознание, творящее в процессе переосмысления божественного мира инореальность, определяемую двумя абсолютами - Бунтом и Смирением.

Поиски бытия «в чистом виде» (Парменид) рождают бунт в героях романа, - бунт, приводящий к смирению, к постижению

---

¹ *Existentia* - существование, сущность.

² Философско-энциклопедический словарь. - М., 1983. - С.69.

смысла божественного бытия, локализующегося в заповедях Любви и Познания. Писатель разворачивает и эти заповеди по принципу дилеммы, в их осмыслении давая крайние точки - абсолюты их воплощенности - Сатанинской и Божественной. Почти все герои наделены способностью любви и познания этих двух планов, - что и создает в их сознании кризисное ощущение жизни, - они отыскивают в себе свое Я, мыслимое как новый, другой мир, граничащий с привычным окружающим миром.

Но писатель идет еще дальше, помещая обычную современную жизнь XX века в беспредельное пространство бесконечного времени, он раздвигает тем самым одну единственную судьбу каждого человека до судьбы всего Человечества - от первого дня Творения и до нескончания времен: «В ту пору над миром властвовала тьма. Ни проблеска света, ни тени движения. Быть может, они и были, но погруженные во мрак, в непроглядную тьму. И не было никого, кто мог бы создать это. Был лишь Всевышний Господь Бог. И пришло время. И он пожелал быть видимым. И, разорвав тьму, он вознамерился сотворить мир. И сказал: «Да будет свет!» И разверзлась тьма, и разлилось сияние лучей. И отделил Господь свет от тьмы и назвал свет днем, а тьму ночью. И это был первый день творения...»

Используя библейские и коранические сюжеты, Улугбек Хамдам изначально создает в своем текстовом пространстве модель мира, ориентированную в динамике своего развития на идею божественной предопределенности. Вкрапления мифосюжета о первородном грехе Адама и Евы рефреном проводят мысль не только о бунтующем Человеке и его смирении, но и о сути его Греха и Прощения.

Вообще для узбекской прозы конца XX - начала XXI века становится характерной тенденция неомифологизма, трактуемого как «главный принцип прозы XX века, который в той или иной степени определяет все остальные».³ Целый ряд современных узбекских прозаиков вышел на этот путь, выстраивая свой собственный «миф» о современном человеке. Создавая «неомиф», писатели пытаются найти иные, неклассические способы художественного постижения истины о пути Человека (от рождения до смер-

---

³ Руднев В.П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. - М.: Аграф, 1997. - (Принципы прозы XX века).

ти). Аман Мухтар, Назар Эшонкулов, Хамид Исмаилов, Улугбек Хамдам - каждый по своему, рисуют художественную картину человеческого бытия, синтезируя в ней традиционный миф и «новую» правду о личности эпохи «дегуманизированного искусства» (Ортега-и-Гассет), и не только искусства, но и самой жизни.

Улугбек Хамдам определяет свой путь постижения сути этой «дегуманизации», ломающей судьбу человека и всего мира вопреки Божественной заповеди Гармонии. Он делает это не единой линией сюжета, а на глубоком психологическом уровне каждого образа романа. Писатель как бы создает коллаж, мозаику человеческих судеб, по-разному осуществляющих путь к гармонии с хаосом дегуманизированного мира, проживающих свое время, отпущенное Создателем, «от рождения до смерти» в поисках Бунта или Смирения. Тем не менее, писатель пересекает главные образы романа в той или иной точке сюжетного повествования, высвечивая мысль о глубинной связи каждого-одного человека со всем миром в Едином божественном предопределении судеб. Осознание этого единства, этой связи, и обозначено в романе как ответ на вопрос - В чем Гармония? В чем Смысл?

Но ни тетя Лариса, самой своей смертью бунтующая против Божественного замысла, ни Турсунбай - Жонталаш, смиряющийся до своего последнего вздоха, ни Табиб, ни Акбар, прошедшие через протест, разрушающий их изнутри, к смирению, не обрели истинной Гармонии с собой, с миром, с Богом. Вопрос в другом - есть ли она, Гармония? И где Она? И кто обретет - найдет Её? Табиб, прошедший свой путь от Бунта к Смирению и обретший Смысл в служении Людям, пытаясь избавить их от Смерти? Но он не смог открыть Суть этого Смысла Акбару, своему ученику, и отправил его в мир, на поиски. Акбар, пришедший к смирению через боль, страдания, разочарования, и ощутивший Смысл в любви к Женщине. Но и он не ответил Искандеру, ученику двух учителей, отправив его с Бунтом в душе на поиски своей Истины, своего смирения.

Ответ не в Смирении (это было бы слишком просто для такого писателя!), но он и не в Бунте. Ведь не обрела Гармонии оставшаяся в «вечном» одиночестве своего протеста против замысла Бога и тетя Лариса. Хотя всем существом своим она жаждала Прощения Господня, пытаясь прийти к Богу. Но слишком короткой оказалась ее дорога от Церкви до того рокового Окна... За

свой Бунт она расплачивалась своим горьким одиночеством и предательством...

Очень важную роль в образной системе романа играет Диана-проститутка. Она неосознанно проходит этапы Бунта и Смирения. И не случайно Улугбек Хамдамов так натуралистично рисует сцены из ее жизни. Он подчеркивает всю степень той грязи, в которую она окунулась в своем «протесте» против предначертанного ей. И чувство, вспыхнувшее в Акбаре, несомненно, связано с ее «падением», усилившим его протест и Бунт. Но он сам, не ведая того, не отдавая себе отчета, следовал замыслу Господа, его заповеди прощения ближнего своего. И это был первый шаг на пути к его повиновению и «возвращению» Дианы... Она лишь залилась слезами, поняв, что Акбар оставляет ее навсегда. В этом - ее расплата... В подобной перевернутости всех образов и заключена парадоксальность логики романа... которая раскрывается в конце, в письме табиба Акбару... да и то на уровне подтекста: «Здравствуй, Акбар!

Добро пожаловать, дорогой друг!

Не удивляйся...

Ты благополучно прошел трудный путь почти в целую жизнь, реальный путь, предназначенный человеку. Да будет счастливым твое возвращение в отчий дом, друг мой».

Табиб, сам прошедший этот путь, осветил Акбару его главную Истину, его конечный Смысл - предназначенность... и бунта и смирения... И дорога эта в целую жизнь, протянутая от начала пути до ее начала же, предначертана Всевышним Богом только избранным, - мятущимся людям. Их путь от Бунта к Смирению назначен самим Господом на пути познания высшего Замысла... - это дорога к Богу, а значит к самому себе. Но смирение, по Божьему замыслу, не конечная точка пути. Смирение, по Улугбеку Хамдаму, не рабство. Это одна из форм познания Истины.

«Настоящая, подлинная твоя жизнь начинается только теперь. Потому что ты, наконец, избавился от мятежа, бунта, который стоял завесой между тобою и миром, тобою и подлинной жизнью. Освободился, иначе бы ты не вернулся. Это пламя не угасло бы пока не сожгло тебя; и твой прах не развеялся по миру и ты вернулся не домой, брат мой, а в свое «я». И для этого возвращения ты прошел путь длиною в жизнь».

Человек не только создание Бога - он носитель Божественного; в душе его заключен Смысл Создателя, который он призван нести по Земле вопреки искушениям Сатаны, преодолевая абсолют Сомнения и Уныния, - как сказал когда-то в начале пути, в точке рождения Бунта, учитель ученику: «Сатана, подтолкнувший твою руку на того балбеса... и есть уныние. В этом истина...»

Если убрать из поля зрения исследователя библейско-коранические сюжеты, линию и образ Искандера, который только на первый взгляд не несет фабульной нагрузки, то основная онтологическая идея романа не может быть полностью выявлена, поскольку именно эти две текстовые структуры - мифологическая модель мира и персоналогический образ - определяют основную линию произведения как концепцию Бунта, а не Смирения.

Огонь, из которого состоит Сатана и который сжигал изнутри табиба и Акбара, является символом бунтарского духа, движущего вперед человеческое Познание истинной сути божественной воли. Искандер, продолжающий путь бунтарского Постижения Высшего Замысла, знаменует бесконечность идеи Бунта, - бунт против судьбы Человека перерастает в его образе в бунт против самого существования Бога. Именно этого так боялся табиб, понимающий и неконечность Смирения: «Все тягости, испытанные мною за целую жизнь, были перенесены ради того, чтобы перед смертью я обрел покой и мир, чтобы смежил веки не в мучениях, а в спокойной удовлетворенности. Потому что обретенный мною смысл, обретенный мир - лишь за смеженными веками и только сей смысл вселяет в душу утешение и успокоение. Но куда он исчез? Неужели это был мираж, а я, непросветленный, принимал его за правду? Неужто и ты ... нет-нет, язык не поворачивается, но что делать, этот вопрос вот уже десять лет живет в моей душе, и словно петля на шее десять лет захлестывает меня, давит... Господи! Каюсь, но у меня нет другого выхода, как задать этот вопрос тебе самому. Создатель!.. Неужто, неужто мы, род людской, тебя придумали?.. И неужели такая могучая идея и могущественная сила могли возникнуть в воображении слабого и хилого существа?»

И неужели бунт человека против Господа есть бунт против самого себя, а Смирение перед Высшим замыслом есть познание своей личностной сути и принятие ее. И это, если еще не Гармония, то уже и не хаос - это начало пути к Гармонии (человека с Богом, а значит - с Миром, а значит - с собой).

Модель мира в романе представлена во всей своей дисгармоничной нецельности, разрушающей гармонию замысла божественного творения. Отсюда дискретная поэтика романа.

Стиль потока сознания, диктующего эстетику незаконченных, разрушенных фраз, многоточий, синтаксической разорванности, определяющих спонтанность рождения личностных философий, углубляет впечатление катастрофичности. Это - грань, оказавшись на которой, человек напрямую сталкивается с высшим Замыслом Бога - замыслом, раздвигающим пределы Земной жизни, и воля человека воспринимать это как наказание или награду, а воля писателя проверять его этим. У.Хамдам рисует «треснутый» мир, в «трещины» которого втискивает судьбы своих разных героев, но объединяет их поисками смысла собственного «я» и Бога. И проверяет он их при этом катарсическим восприятием смерти, которая не должна мыслиться как наказание за бунтарство или смирение. Во этом - глубокое проникновение и переосмысление писателем положений суфистской философии: «Бог побуждает вас умереть для себя, дабы вы жили в нем» (Кушайри).

Улугбек Хамдам изначально обозначил три этапа пути человека в своих эпитафиях. От смутного ощущения недосказанности к спонтанному прозрению, когда человек отказывается быть тем, кто он есть». И это рождает протест в его душе и против Бога и против себя.

У этого бунта лишь два пути – к смерти или к смирению: «Ты не успокоишься, пока не придешь к внутреннему протесту или повиновению».

И если Камю дает ответ экзистенциальный - одиночество человека и есть его Смысл, его Гармония с собой, то У.Хамдам ищет ответ, как и его герой Искандер...

И Гармония эта, и смысл этот и есть тот Рай, который когда-то утратил Адам в своем прегрешении против Творца, и в поисках которого уже много веков бродит страдающее Человечество... бунтуя... смиряясь... и приходя все же к Богу. Обретение Рая - это постижение Смысла, как осознание Гармонии человека с Миром.

А смысл этот в Смирении?..

*Н.ВЛАДИМИРОВА, д.ф.н., профессор
Г.ГАРИПОВА, к.ф.н., ст.пре-ль УзГУМЯ*

Часть первая

***“Если ты не Господь Бог,
что значит твоя жизнь?”***

Народное.

***Человек - единственное существо,
которое отказывается быть тем,
кто оно есть.***

А.Камю.

***Ты не обрешь спокойствия, пока
не освободишься от внутреннего протеста
и не придешь к повиновению.***

Из священного писания.

1

В ту пору над миром властвовала тьма. Ни проблеска света, ни тени движения. Быть может, они и были, но погруженные во мрак, в непроглядную тьму. И не было никого, кто бы мог создать это. Был лишь Всевышний Господь Бог. И пришло время. И он пожелал быть видимым. И, разорвав тьму, он вознамерился сотворить мир. И сказал: “Да будет свет!” И разверзлась тьма, и разлилось сияние лучей. И отделил Господь свет от тьмы, и назвал свет днем, а тьму ночью. И это был первый день творения...

2

Глядя наружу сквозь тюремную решетку, Акбар в тысячный раз вспомнил слова учителя: «Мудрость поведай сведущему, сын мой, иначе принесешь страдания и той и другой стороне...» Жаль, что вовремя не придавал этому значения, не принял мер. И вот теперь уже год, как он страдает, мучается. Интересно, думал ли учитель о третьей стороне? И в итоге кару за смысл этих тайных слов несет третья сторона - и это я.

«Что же раздумывать, не знаю, как другим, но тебе точно будет помилование. Не тревожься, лучше ложись спать. Завтра пойдем на кирпичный завод, работа там тяжелая», - сказал сокамерник и, натянув на голову одеяло, свернулся в клубок.

«Помилование... помилование... не знаю, сочтут ли возможным, сочли бы. Ведь зря проходит жизнь здесь. Только ли жизнь? А здоровье? А молодость? Через месяц мне тридцать. Даже в страшном сне мне не могло присниться, что встречу свою тридцатую весну в тюрьме. Странная вещь жизнь... нет... жестокая, безжалостная...

Мое сердце, похоже, постепенно превращается в камень. Попасть в тюрьму из-за какой-то пощечины. А теперь мне ничего не стоит подраться и даже пустить кровь... Самое ужасное, что я спокойно поднимаю руку на человека. И привык к этому. Словно это обычное дело.

Нет, тюрьма не перевоспитывает человека, она уничтожает его...»

В лицо Акбару ударил прохладный воздух, пронизанный запахами весны. Он отвлекся от своих мыслей и попытался оглядеться. Двор тюрьмы в электрическом свете казался совершенно голым и пустым. А звезды на небе мигали как-то особо, словно говорили о приближающейся весне.

«Весна! - прошептали его губы - Приди. Хорошо бы. Ах, если бы я мог хоть на минуту забыть в твоих объятиях, не думать о свободе»...

Акбар вздрогнул и проснулся. Снова тот же сон. Снова тот же ученик... Садр, его брань, его кулаки, обрушившиеся на ребра... пощечина... суд... жестокий приговор судьи: "Три года лишения свободы!" Эти слова звучат даже во сне. И каждый раз Акбар просыпается с криком "Нет, нет, нет!" - и повторяет это "нет, нет" пока не очнется. И очнувшись, повторяет: "Нет, нет, нет! ... Ведь это бесчеловечно, это несправедливо, это бесчестно, в конечном счете... это..." У Акбара перехватило горло и он утратил дар речи. И в ответ судья произнес: "За оскорбление суда я могу добавить срок". Не зная куда деваться, Акбар в гневе заколотил кулаками по стулу. А потом, прямо отсюда, на глазах у всех, и что хуже

всего, на глазах его недоумевающих учеников ему надели наручники и увели. Акбар по сей день не может преодолеть унижение и обиду. Он спрашивал себя "как это могло случиться?" Но разве он не знал почему? Знал, хорошо знал, он «вышел из себя», да что там вышел из себя, он потерял человеческий облик. Он попытался остановить ученика, посмевшегося оскорбить его, своего учителя и, задетый за живое тем, что не был услышан, не сдержавшись, дал пощечину, обернувшуюся тремя годами лишения свободы. Он страдал, не в силах примириться с этим.

Сон пропал. Акбар, тяжело вздохнув, поднялся с постели. Открыл тумбочку, нашарив окурочек, закурил.

- Опять не спишь? Снова бессонница? Господи, пусть уж помилуют, пусть отменят приговор, не то ты съешь себя живьем. Эй, парень, - сокамерник отвернулся...

- Неужто человеческая жизнь ничего не стоит? Господи! За пощечину лишит свободы. Не видят, что ли, судьи, не думают, что перед ними человек, Божье творение, такой же раб Божий? - при каждой затяжке лицо его прояснялось, но сигарета гасла, принимая цвет его мыслей, погружавших сердце словно в черноту ночи, и сам он будто окунулся в эту черноту...

3

Кишлак. Лето. На берегу арыка сидят четверо. Они разговаривают, вертят в руках сорванные веточки райхона и чебреца, нюхают их, наслаждаясь пряным запахом.

Время от времени они поглядывают на дверь напротив. В комнате человек в белом халате и тюбетейке, которая ему к лицу, с острой бородкой, щупает пульс и разговаривает со своим пациентом, больным стариком.

- Вы слышали, что сегодня вышел ваш ученик? - спросил старик, принимая из рук табиба протянутое ему лекарство.

- Да! - ответил табиб, и лицо его просветлело. Но он перевел разговор: «У вас опять воспалился желчный пузырь. Вот лекарства. Вы знаете, как их пить. Берегитесь, ничего остро-

го, жирного, иначе вам не поможет ни яйцо птицы Анко, ни птичье молоко».

4

- Учитель, я не знаю, что мне теперь делать. Уже месяц как я освободился, но никак не могу начать работать. В школу меня не берут, да я и сам не хочу. Там я отчаялся, пал духом, уныние одолело.

- А-а-а, вот в чем дело! Сатана, подтолкнувший твою руку на того балбеса... и есть уныние. В этом истина... Сколько раз я говорил тебе: у каждой птицы есть взлетная площадка, найди свою. Ты не согласился, сказал, что здесь родился, здесь мать, отец, теперь скажешь – жена, дети. Тебе нужно уехать.

- Ну, какая от этого польза, разве от перемены места что-нибудь изменится? Мне все надоело, я разочарован во всем. И в людях. Мне наскучило жить. Жизнь потеряла всякий смысл.

- Акбар, я хочу услышать от тебя, что тогда произошло, почему ты ударил мальчишку?

- Оставьте, учитель, теперь это уже ни к чему...

- А ты расскажи, и тогда сам поймешь, почему это случилось... Расскажи...

5

Тогда... Было время занятий. Несколько учеников выпускного класса прогуливали урок, играли в теннис.

Я подошел к ним, прервал игру и потребовал, чтобы они пошли в класс. И тогда один из них, Садр, выпалил: «А мы не пойдем. Через неделю все равно кончаем школу, были мы на уроке или не были - какая разница?» Я рассердился, стал объяснять, я говорил о дисциплине, об уважении к учителю... Тщетно. С откровенным высокомерием, он надменно ответил: «Да что вы вообще можете сделать? Не пойду на урок и все».

Меня охватил гнев: неужели за восемь лет работы в школе я не сумел добиться уважения к себе? Уверенно подойдя к нему, я хотел отобрать ракетку, но он неожиданно сильно толкнул меня в грудь, я оступился и упал навзничь. Мальчишки рассмеялись. Меня охватила дрожь, гнев, я словно раздвоился. Я видел не себя, а учителя, оскорбленного учеником и лежащего в пыли. Как раненый лев я с рычанием бросился на него. Когда я пришел в себя, Садр валялся на земле. Его друзья сказали, что я дал ему затрещину. А на суде...

- Разве ты не знал, что отец Садра мошенник и подлец, а сынок весь в отца? Они специально ищут подобные приключения. А ты прямо нарвался на крючок.

- Все это, учитель, я понял потом... когда они потребовали деньги. Они сказали, что за деньги, заберут свое заявление, свою жалобу.

Я не дал ни копейки. Он приходил еще несколько раз: "Заплати и отделайся. Не губи свою молодую жизнь".

- "Заберите свое заявление мы ведь соседи, живем бок о бок".

- "Отдай деньги по-хорошему, если не дашь, сгною тебя в тюрьме, брат позаботится, он может все". Так сказал мне этот негодяй.

- Так и сказал? - Табиб покачал головой. - Я понял, сынок, понял. Больше можешь не рассказывать. Ну встань, я обниму тебя еще разок.

Табиб обнял Акбара, пригнув его к себе, поцеловал в лоб: "Тебе нужно уехать отсюда сынок".

6

Акбар понял последние слова учителя. Он и прежде говорил об этом. Акбар не знал, говорил ли учитель такие же слова другим своим ученикам, но ему, Акбару, он много раз говорил: "Ты переполнен возмущением, бунтарскими мыслями... Тебе нужно уехать». Но какой избрать путь? Путешествовать, переменить жизнь? Или молчать и мучиться, наблюдая за происходящим? Этого Акбар не знает. Ответ был один - решай

сам и Акбар прикусил язык. Услышав сейчас от учителя те же слова, Акбар не проронил ни слова. Он молча шагнул к дому, и его мысли занимало другое. Акбар о многом не рассказал учителю. Ведь уже полтора года они не виделись, а сколько за это время было всего, сколько накопилось! О многом нужно было расспросить. За полтора года тюрьмы в сердце накопилось столько переживаний. О многом ему хотелось посоветоваться, поговорить. Переживания этих лет выбили у него почву из под ног. Еще до суда, когда его зверски избили в судебной канцелярии и когда стражи закона, хитро ухмыляясь, предложили ему выбор: «Заплатишь названную сумму или будет продолжение вчерашнего». Это было для него самым сильным потрясением. Все надежды на справедливость рухнули. Пока он собирался с мыслями, взвешивал все последствия, его опять жестоко избили. Выражаясь языком служителей закона, он «взялся за ум» и ему уже хотелось, чтобы его родственники заплатили требуемую сумму. Это же чувство одолевало его некоторое время и после того, как ему дали срок. Что он только не придумывал, чтобы дни проходили «мирно»! В первые дни тюрьмы «мир» приходилось каждую неделю покупать. Там были не люди, а лишённые разума двуногие человекоподобные твари. Сначала Акбар страдал оттого, что не мог уподобиться им, а потом оттого, что начал походить на них. За это время его часто били, он откупался, работал, как проклятый... Но он был физически здоров, закален в труде, расторопен и ловок, и как только освоил тюремный устав и начал сам жить по нему, он обрел «бесплатное» относительное спокойствие. Его покинуло чувство страха, преследующее его в первые дни, когда он был в наручниках, а теперь Акбар раздавал затрещины всем без различия - тем, кто пытался заставить его сделать что-либо, тем, кто толкал его или требовал чего-то. И очень скоро никто из окружающих не мог без страха смотреть на него и, конечно же, затаили обиду и жаждали мести... Однажды, собравшись, они напали на него и избили. Акбар и здесь был стоек, он дрался с ними, пока не потемнело в глазах, пока не потерял сознание. А потом целый месяц лежал неподвижно, лечился. Когда он поднялся, его оставили в покое, никто его не задевал. Да и он удержи-

вался от того, чтобы задеть кого-то. Он понял, что тюрьма - это место, где побеждает сильный, где сильный подчиняет себе слабого. Акбар был убежден в том, что человек, попав сюда, утрачивает все доброе и человеческое, иначе ему не выжить. И живет здесь будто с содранной кожей. Порою он говорил, что Дарвин видимо, создавал свою теорию в тюрьме или посвятил ее арестантам. Акбар надеялся поговорить с учителем об этом и, как в прежние времена, получить духовную поддержку. А пока он метался, не зная куда себя деть...

7

И наступил второй день творения. И отделил Господь небо от земли, и назвал твердь небом и сушу землею. В последующие дни произвела земля зелень, траву, сеющую семя, и дерево, приносящее плод. И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных, и всякую птицу пернатую. И создал Бог зверей земных и скот. И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной для отделения дня от ночи и для знамений, и времен, и дней, и годов. И создал Бог два светила великие: светило большее, для управления днем, и светило меньшее, для управления ночью, и звезды, - и увидел Бог, что это хорошо.

8

- Папа, а мама не варила обед, мы едим сухой хлеб, - пожаловался Акбару, вошедшему в дом, сын, сидящий на пороге со своими "игрушками", бутылочными пробками.

- Почему это не варила?

- Мама сказала - не буду варить без мяса, картошка уже надоела. Купите мясо, - сказал сын по-взрослому.

- Папа, я кушать хочу, - сказала дочка, выходя из комнаты. Губы ее были перепачканы чем-то белым - пила кислое молоко. Акбар опустился на колени и подозвал детей - они бросились к нему и прижались к его широкой груди. Он целовал их в щеки, а в глазах его стояли горькие слезы, - все будет, и мясо, и еда, всё-всё.

- Восемь тонн - сказал весовщик, глядя на Акбара.

- Восемь тонн? - испугался Акбар. - Взвесь еще раз, друг, ты, наверно, ошибся.

- Восемь тонн, - не дрогнув, повторил светлоглазый весовщик. Акбар поглядел на шофера. Шофер пожал плечами. Акбар рассердился:

- Ты ведь сказал двенадцать тонн?

- Так ведь и о машине нужно подумать, друг, вам бы только побольше веса, а мне чем легче, тем лучше. Мотор не должен страдать. Машина мне каждый день нужна.

- Я же заплатил тебе немалую сумму, а теперь здесь не хватает трети товара. Да ведь эти дыни я взял в долг, хозяин придет за деньгами, так ты ведь меня по миру пускаешь, подлец!

- Ничего не знаю, это твои проблемы. Плати за перевоз и сгружай свои дыни.

- Ты тоже получишь одну треть денег!..

- Ты соображаешь, о чем говоришь, узбек? Похоже, ты забыл куда приехал?

Шоферюга – он был повыше и покрепче Акбара - вцепился в него. Акбар вырвался и ударил его кулаком в лицо. Тот, пошатнувшись, упал. Акбар кинулся на него и стал бить куда попало... И тут началось... Шофер – местный, челябинский. Он “продал” Акбара теневому хозяину города - мафиози. И несчастный Акбар лишился и товара, и денег. Мафиози заплатил шоферу за дорогу, а дыни “конфисковал”. Да еще навесил на Акбара 8 тонн недостающих дынь.

Они поместили его в какую-то комнату и приставили двух здоровенных амбалов. Акбар начал это “дынное дело” в доле со своим братом Нурматом. По их совместному плану Акбар должен был первую машину сопровождать в Челябинск, договориться об условиях продажи и цене и, если она подойдет, позвонить Нурмату, чтобы тот выехал со второй машиной. А теперь? что он скажет Нурмату? Акбар несколько дней не звонил ему. Он решил поговорить с земляками, работавшими здесь же, на базаре, посоветоваться с ними. Посочув-

ствовав Акбару, они предложили ему работу. Ничем другим помочь не могли.

Акбара будто заперли в клетку: стража не спускала с него глаз, он, фактически, был в заточении. Отчаявшись, он все-таки позвонил брату, объяснил ситуацию, не скрывая, что попал в руки негодяев, что у него совершенно безвыходное положение. Нурмат, конечно же, вышел из себя, разругал Акбара, сказав, что все, за что он ни возьмется кончается провалом, но быстро остыл и обещал помочь. Назавтра он поговорил с отцом. Отец сказал, чтобы Акбар не беспокоился, что он готовит "камаз" с дынями и не сегодня-завтра отправит его. Акбар испытал облегчение, ему даже стало неловко за свои действия.

10

Ташкент. Тетя Лариса шла с базарчика с небольшой корзинкой и, кряхтя, присела на скамейку напротив многоэтажного дома, передохнуть. Солнце перевалило за полдень, а она все еще сидела здесь. На приветствия прохожих тетя Лариса кивала головой, не интересуясь, кто с нею здоровается, и лишь на ее худом лице блуждала мягкая... приветливая улыбка. Ее занимали сейчас мысли о договоре с Маххамом о квартире. В присутствии начальства и старейшин махалли Махкам дал слово обеспечивать всем необходимым старую женщину, присматривать за нею до конца ее дней и похоронить по ее обычаям и обрядам. Тетя Лариса же за это обязалась завещать трехкомнатную квартиру Маххаму. Завтра они идут к нотариусу. Махкам хотел, чтобы прежде всего старуха оформила завещание. У тети Ларисы не оставалось другого выхода как согласиться. Однако, она думала не о том, что оставляет накопленное за всю жизнь совершенно чужим людям, а о том, что судьба вертит человеком, как чертово колесо, переворачивая человеческую жизнь, и ей стало грустно и горько...

- Бабуля, вам помочь?

- А... Диана, это ты? Ладно, деточка!

Тетя Лариса протянула сумку соседке и, залюбовавшись стройной фигурой красивой девушки, потихоньку, поднялась за нею на четвертый этаж.

- Вот, бабуля, - Диана протянула сумку тете Ларисе у самой двери.

- Спасибо, деточка, спасибо... Да запомнила, сколько тебе лет?

- Двадцать шесть, - грустно ответила Диана.

- Прости меня, старую, что лезу с советами. Но тебе нужно родить, пока есть силы и энергия, не дай Бог, остаться бездетной. Выйдешь ты замуж или нет, твое дело, но ребенка нужно родить, дорогая.

- Да я еще молодая, успею, должно быть.

- После тридцати жизнь быстро пролетает, трудно будет поспеть, ты уж постарайся сделать это до тридцати.

- Ладно, бабуля, посмотрим, - Диана открыла свою дверь и вошла в квартиру...

Старуха задумалась.

- Когда-то и я была такой же. Красивой, мужчины не сводили глаз с меня. Я и сама была очарована собою. Поклонников у меня было больше, чем волос на голове. И даже когда вышла замуж и стала много взрослее, мужчины все равно дарили мне цветы... Да что говорить?.. Мне казалось, что я всю жизнь буду любимой, желанной, изящной. Зачем портить тонкую талию, я боялась забеременеть... Бедный мой покойный муж, он так хотел детей. Сколько он умолял меня, упрашивал, глупую... Он-то умер, а я осталась совершенно одна, и никого нет рядом... Господи, что же я ропщу и плачусь на судьбу? Да есть ли у меня на это право? Я ведь расплачиваюсь за собственную глупость...

11

Все было готово... Всевышний создал землю и небо, воду и воздух, зверей и растения... Всё... Всё.. Но еще не было сотворено существо, готовое господствовать над ними и, главное, осознающее мир и его создателя. И тогда создал Бог

главное свое творение по образу и подобию своему из праха земного и вдохнул в лицо его дыхание жизни и стал человек душою живою. И совершил Бог к седьмому дню дела Свои. И благословил Бог седьмой день, и освятил его, ибо в оный почил от всех дел своих, которые творил и созидал...

12

Челябинск. Акбар ждал напрасно. Прошло уже десять дней, но ни Нурмата, ни машины с дынями не было. Здоровенные детины стерегли его неустанно, били и требовали платы, а Акбар беспрерывно звонил в кишлак. На пятнадцатый день он, наконец, поговорил с отцом. Выяснилось, что Нурмат по дороге в Челябинск продал дыни и вернулся. На вопрос Акбара "почему", отец коротко ответил, что Нурмат предал их.

- Что же теперь будет со мной? - вырвалось у Акбара. Наступила тишина. Затем Акбар услышал глубокий вздох отца...

- Что стряслось, узбек?..

Акбар положил трубку на рычаг.

- Если ты хочешь жить, не вздумай нас дурачить, - набросился на Акбара его мучитель-охранник.

- Да ничего не стряслось, и дынь не будет, - со странным спокойствием ответил Акбар. И тут же подумал, куда делись тревога, беспокойство, страх...

- Чего, чего! Ты что, узбек, нюх потерял что ли? - Саша, ну-ка позови Босса. Парень приблизился к Акбару и ударил его кулаком. Акбар ждал этого, он увернулся и с силой ударил коленом в бок зазевавшегося обидчика. Дитина упал на землю и скорчился. Воспользовавшись моментом, Акбар попытался убежать, но дверь распахнулась, и в окружении четырех громил вошел тот, кого они называли Босс.

- Да... такого я еще не видел, - Босс нагнулся над поверженным на пол. - Что случилось, Олег, ты жив?..

Олег, тяжело дыша, поднялся и бросился на Акбара... Акбар очнулся от холодной воды, которой его окатили. У него гудела голова, тошнило. Он открыл глаза и увидел целую группу людей.

- Узбек, плати долг или прощайся с жизнью, - приблизив лицо к Акбару, сказал Олег.

- Где ваш хозяин? - тихим голосом спросил Акбар.

- Босс, узбек приглашает тебя на прием, - Олег издевательски улыбался.

- Пропустите его, - сказал хозяин. Он взял стул и сел напротив Акбара. - Чего ты хочешь, говори.

Акбар лежал на полу, не мог ничего понять, у него кружилась голова. Оглядевшись, он понял, что попал на какой-то огромный комбинат, руки и ноги у него похолодели. «А ведь у них дурной замысел», - подумал он. Спасения не было... Перед ним злодеи.

- Я прекрасно понимаю, в какую переделку я попал, но, сколько бы ты меня ни мучил, сколько бы ни издевался надо мною, с меня взять нечего, у меня нет ничего, можешь ты это понять?

- Все? - Босс кивнул своим "браткам". Двое крепко взяли Акбара под мышки.

- Я впервые в жизни встретился с вами. Я слышал, что вы смелые и благородные парни. Где же это благородство? Я ничего не взял у вас. Я лишь подрался с шофером, который обманул меня. А ты, - Акбар пристально посмотрел в глаза Босса, - не стал разбираться, кинулся защищать своего земляка, своего единоверца. Вот здесь ты не был справедлив, ты был просто мелок.

Акбар был сильно избит, лицо было залито кровью.

- Ты не боишься смерти?..

- Боюсь. Но, если у меня нет надежды на спасение, что толку бояться?

- Ты не хочешь умолять меня сохранить тебе жизнь?

- Нет!..

- Почему?

- Ты все равно сделаешь то, что задумал.

Босс сделал знак. Братки потащили Акбара волоком к какой-то крутящейся машине. Она была установлена в глубокой яме и с четырех сторон опутана цепями. Машина эта была похожа на гигантскую, чудовищную мясорубку. Акбар зашептал молитву. Перед ним промелькнули лица

детей - сына и дочери. И глаза наполнились слезами до-сады.

- Еще есть время, стань на колени и моли о пощаде, воз-можно, останешься жив, узбек! - услышал Акбар голос Босса.

- Кроме того, что я узбек, я еще и мужчина, - закричал Ак-бар, пытаясь кинуться на него.

Один из братков схватил его за руки, второй - за ноги и нацелились швырнуть в зубья работающего механизма. У Ак-бара снова закружилась голова и мир завертелся перед гла-зами. Какая жестокость, Господи! - мелькнула мысль. И, ка-жется, братки швырнули его, он полетел и уже ни о чем не думал; ни о детях, ни о жене, ни об отце с матерью, ни о чем. И молитву забыл. В его сердце был лишь протест, бунт. Да и протест этот был против несправедливости судьбы, против фальши, царящей в мире, насилия, обмана - неиссякаемый протест. Бунт!... Если бы в эти мгновения, пока тело Акбара летело, - в эти опасные мгновения можно было бы перевести его мысли в слова, то, пожалуй, это прозвучало бы так: «И ты несправедлив, Господь?!..» А если перевести в действие, то Акбар бросился бы и на Создателя...

Он свалился на что-то твердое. Глаза его были закрыты. Ожидая кошмара, он какое-то время не открывал их. Услыхав звук шагов над ухом, Акбар открыл глаза. И увидел туфли Босса, а затем и его всего. Босс пристально глядел на него, потом, ничего не говоря извлек из кармана сверток и бросил на грудь Акбара. Акбар протянул руку, которой мог шевелить, и поднес к глазам кучу бумаг. Это была пачка денег. Зелe-ных...

- Почему? Зачем?..

- В мире ты один что ли мужчина!..

- Босс повернулся и зашагал прочь. За ним потянулись остальные.

13

Подрезая ветки деревьев в саду, таиб думал об Акбаре: "Что-то его долго нет. Жив ли он, здоров ли?.. Бедный па-

рень. Он страдает, пытаясь подавить в себе несогласие со всем миром, усмирить возмущение. Я еще не встречал такого бурного протеста. Даже у меня такого не было...”

Табиб давно жил в одиночестве. Прошло уже 20 лет с тех пор, как жена, забрав дочь, ушла к другому человеку. Больше он не женился. «Если я сделаю это, - думал он, - то еще одна женщина станет несчастной». Отношения с родственниками, соседями, обитателями махалли были прекрасными, он часто навещал их, беседовал с ними, и в кишлаке не было ни одного человека, которого бы он ни лечил. Все тянулись к нему, как растения к солнцу. Но, что делать, это его судьба, участь - он одинок... Он сам выбрал этот путь.

Много лет назад было возбуждено уголовное дело против лучшей в стране медицинской лаборатории, и его уволили с работы. В то время жена и дочь еще жили с ним. Потом его посадили, и он пять лет провел в заключении. Потом... потом все кончилось. Ни работы, ни надежд, ни семьи... ничего... Все, словно пух, разметал сильный ветер - все из его жизни исчезло.

Когда он вышел из тюрьмы, ему не хотелось идти домой днем, у всех на глазах, и он пришел ночью, словно виноватый. А дома его ждало еще одно испытание: он встретил там своего сослуживца-коллегу по лаборатории. Не было смысла ни спорить, ни выяснять отношения. Все было ясно... Предательство обычно прощают женщины, но не в характере мужчин прощать - это непреодолимо. Он не знал, как ему поступить, кинулся к дочери, но она дичилась чужого (когда отца посадили, ей едва минуло два года) и бросилась к матери... И тогда он понял, что лишний в своем доме, в своей семье. Его сердце переполнилось горечью и возмущением. Он буквально вылетел из собственного дома. И лишь тогда, окаменевшая от неожиданности жена, пришла в себя, и, поняв, что произошло, кинулась за мужем по лестнице...

- Что же ты делаешь, подожди! Я тебе все объясню. Я виновата перед тобой, но все не так, как ты думаешь. Подожди, остановись же!..

Он остановился... глазами полными презрения и обиды смотрел на жену, словно резал по-живому.

- Зачем, почему же и ты... - не окончив фразу, он осекся...
- Пять лет для женщины - это много, прости меня, - возмолвилась она...

- А я, а я?..

- На твоём месте я простила бы. Ты должен простить.

- Но я ведь мужчина!..

- А что, мужчина не человек?

- Замолчи, прекрати! Дочку мою не обижай!..

Он бегом спустился с лестницы и исчез - уехал в кишлак, в родные места. С тех пор живет здесь, в город он не вернулся. Он жил здесь предоставленный себе и уже давно ни о чем не мечтал, ни на что не надеялся... До недавнего времени работал в школе - преподавал химию и биологию. И лечил людей... И вот жизнь его катилась по привычным рельсам, и пожалуй, перевалила самый высокий пик...

14

Тетя Лариса пробудилась от тяжелого сна. Уже давно, особенно после смерти мужа, чувствовала себя одинокой в просторном доме, никому не нужной. Спала она очень мало или лежала, вспоминала, думала, не смыкала глаз всю ночь. Старалась вспомнить самое лучшее, что было в ее жизни: милую деревню, где прошла ее юность на берегу Волги, родителей, студенческие годы, друзей, поездку в Ташкент, где ей очень понравилось, где она нравилась многим, где познакомилась с будущим мужем и полюбила его. И он полюбил ее. Все это она вспоминала долгими бессонными ночами, но мысли об одиночестве не покидали ее, она горестно вздыхала и сердце ее щемило.

И в эту ночь она с трудом дождалась рассвета, был уже день, а она все лежала в постели. «Воспоминания душат меня, словно петля на шее», - подумала тетя Лариса и нехотя поднялась. Она умылась и остановилась в нерешительности: «Чем заняться?» Взяла газету с телевизора, повертела ее и тяжело опустилась в кресло. Открыла программу и неторопливо стала ее читать, отмечая взглядом интересные переда-

чи... Что-то отметила и ручкой. Через полчаса поднялась и положила газету на место.

Нетвердой поступью прошла на балкон и посмотрела вниз: соседские старухи Рахбар и Вера сидели на скамейке и разговаривали.

- Эй, - позвала тетя Лариса, - я сейчас спущусь, не уходите...

15

Руки и ноги ломило. Они были так изуродованы то ли палками, то ли дубинками, что Акбар не мог ими двигать. Но оставаться здесь было нельзя. Если даже бандиты ушли, они могли вернуться каждую минуту, переменив намерения. Могли не вынести своего благородства, оставив Акбару пачку денег... Сцепив зубы, он попытался сдвинуться с места, с трудом притянул стул, стоявший в стороне, и, опершись на него, поднялся. Нестерпимая боль в левой руке пронзила его - рука была сломана...

Через несколько минут Акбар вышел со двора, огляделся: он понял, что находится за городом. Город жил в далеких ярких огнях. Акбар едва выйдя из ворот, услышал голоса. Превозмогая резкую боль, поспешил в темноту, заметив блики огня...

Он падал, снова поднимался, едва тащился, стонал. Но главное - двигался вперед. Он прошел большую часть пути, устал, выбился из сил. Где-то за городом лег навзничь, уставился в небо: все тело охватила боль, но это не мешало ему видеть россыпь звезд, полный месяц, проникать в тайну великолепной ночи. Акбар повторял про себя: «В мире нет ничего, нет такой цели, ради которой стоило бы впасть в ничтожество или унизиться. Как ни прекрасна жизнь, человеческий век краток, а сам человек слаб. А коли так, почему бы не довольствоваться человеку тем, что он имеет? Почему же он постоянно желает большего, недостижимого, стремится подчинить себе вселенную, завладеть всем? ... а я, я? Что я делаю здесь - в чужом краю? Разве у себя дома я не нашел бы

куска хлеба? Заработал бы, конечно, но мне, как и многим, хочется большего – послаще есть, получше одеваться. Постепенно становишься рабом этих желаний, служишь им, терпишь унижения... Ради чего? Разве человек не должен управлять своими желаниями? С другой стороны - все одно, один черт: станешь ли ты рабом своих желаний или будешь, как собака, таскать их за собою - не слишком большая разница, исход один: все человеческое - помеха, тягота, печаль, тоска. Тоска, тоска!!! Но удивительно, что я завтра же забуду эту горькую истину и снова, и снова начну мечтать и надеяться... Я это точно знаю... Ведь если подумать, то, подчиняясь желанию своего тела блаженствовать, я подвергаю себя немалым пыткам, мучениям. Всего-навсего из-за капризов тела, которое обречено умереть и смешаться с землей, столько тягот и страданий?.. И если бы еще этими страданиями можно было достичь чего-то стоящего... Но ведь результата никакого или почти никакого. Можно ли это вытерпеть!?!»

Акбар повернулся и лег на землю ничком, но продолжал наблюдать.

«Какое бы великое дело ты ни начал, у всего грустный конец, какую бы красавицу ни любил, все кончается разлукой, печалью, как бы долго ты ни жил, смерти не избежать. Но если все обречено на прах, тлен, уничтожение – кому молиться? кого просить о жалости? Бога!.. Но Господи, если бы я хоть на один золотник мог понимать тебя, твой замысел – я бы не искал логики и смысла человеческой жизни. Но можно ли допустить, что страдания твои забудутся, добро и благо твое расточится, а чудо исчезнет и исчезнет и память о тебе. Это несправедливо и жестоко. А может, смысл в том, чтобы ощутить это лишь на мгновение дарованной тебе жизни?

И если человеческая жизнь лишь миг от рождения до смерти и вся она в его существовании только на земле, то значит, можно прожить ее не покаясь и не подчиняясь ни божественным, ни человеческим законам. И делать все что душа пожелает. Воровать, убивать, подличать, насильничать... Но если жизнь не кончается смертью?

Господи, ведь еще никто не возвратился оттуда, ничего не рассказал об этом, да никто ничего и не знает. Все домыслы

приблизительны, догадки зыбки, предположительны, не более того. Только умерев, можно разрешить этот ребус, но умерший не воскресает, и то, что он узнал и постиг, никогда не станет достоянием этого света... Да простит Господь, неужели пик познаний человека лишь догадки? Неужели же исход всей нашей жизни - страшный суд?... И неужели Господь, зная это, не протянет человеку руку помощи?... Почему же так, почему Господь поместил рядом с человеком могущественного дьявола, а в человека вложил совесть, которая требует борьбы с ним? Неужто зная, что у человека очень мало возможности победить, Господь не устает созерцать эту неравную борьбу?... К тому же Он призывает человека победить: «Если ты не одержишь победу, не жди от меня милости...» Увы!..»

16

И насадил Господь Бог рай в Эдеме... И произрастил из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи... И взял Господь Бог человека, и поселил его в саду Эдемском, чтобы возделывать его и хранить его. И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь...

17

Турсунбай, не щадя сил, весь день жал пшеницу. Он даже пообедал не выходя из кабины трактора. Две большие лепешки, принесенные из дома, он аккуратно наломал на небольшом головном платке, налил чай из термоса в большую железную кружку и бросил в нее два кусочка сахара. Размочил кусок лепешки в чае и стал пить эту горячую тюрю, обливаясь потом. И снова, сказав *Бисмилло*, продолжил работу.

Он ушел домой лишь вечером, дождавшись напарника. Прямо от ворот прошел на приусадебный участок, где приготовил еще на рассвете жидкую глину. Сапогом попробовал высту-

пающую из ямы глину - затвердела. Тут же он принес два ведра воды из колодца, устроенного поодаль, и полил ее. Затем помешал хорошенько кетменем и начал формировать кирпичи. И занимался этим, пока жена не кликнула обедать. Да и еду он попросил принести к себе и наскоро поел. Потом протянул провод и приладил лампу, чтобы работать ночью. Сын, натянув старенькую одежду, целый час помогал отцу, но больше не выдержал: "Я на работе устал, а на рассвете мне снова идти. Я ведь говорил вам, не стоит заниматься кирпичами, пока у нас много другой работы. Турсунбай немного даже повздорил с сыном. Тот быстро улепетнул. А Турсунбай, уже выбившись из сил, трудился – до завтра глина затвердеет. Наконец, сделав последний кирпич, буквально скатился на свое ложе, застыл как чурка..."

Не прошло и двух часов, как он проснулся с первыми петухами и пошел к дому. Вымыл лицо и руки в арыке, задал корму скотине, вернулся и снова стал замешивать жидкую глину на вечер. Через некоторое время жена позвала завтракать, они вместе выпили чаю. Потом пасынковал виноградные кусты. Когда солнце взошло и утренняя роса высохла, он, завернув в поясной платок лепешки и взяв в руки термос, медленно пошел на поле - жать пшеницу. Но до этого он успел стянуть сапоги, вымыть потные и натертые ноги и даже не подумал о том, что необходимо дать им небольшой отдых.

18

Когда Диана проснулась, солнце уже было в зените. Несмотря на включенный вентилятор, ей было жарко. Она лениво поднялась, вынула из холодильника сок, выпила, подошла к окну. Тщательно наложив макияж, привела себя в порядок и, прежде чем одеться, вышла на балкон посмотреть вниз на свою машину; нажав кнопку пульта, завела мотор... Накинув легкое платье, Диана взглянула на часы, висевшие на стене: половина первого. Под деревьями на своем привычном месте сидела тетя Лариса и еще две старухи. Они разговаривали. Диана поздоровалась и пошла к своей машине. И

сидя в машине, и в дороге, и войдя в кафе и заказав завтрак, и покуривая в ожидании, она думала о том, что старухи сплетничают о ней. Только ли старухи? Весь многоэтажный дом, все, кто ее знает, и даже те, кто просто видел ее, говорят о ней. Она знает об этом. Порою, проходя мимо знакомых, она замечает, как они, прервав разговор, разглядывают ее. Прежде она злилась, смущалась, но со временем привыкла. Теперь она даже обнаружила, что у большинства тех, кто раньше с презрением, брезгливостью и отвращением смотрел на нее, появился некоторый интерес, снисходительность, а у большинства мужчин она вызывала страстные взгляды. И Диана примирилась - и с ненавистью и с любовью. Так уж устроен мир, что бы ты ни делал, окружающие либо хвалят тебя, либо бранят. Диана поняла это, и продолжала держаться по-прежнему. Погрузившись в эти мысли, вздрогнула от звонка мобильного телефона в кармане. Она погасила сигарету и начала говорить: «Алло, хорошо, хорошо. Только чтобы не получилось как в прошлый раз. Если будешь груб, не зови меня. Диане нужно кое-что еще, кроме денег. В двенадцать вечера. Хорошо. На том же месте?.. Ладно...»

19

Замыслы табиба были грандиозны. Для их осуществления он каждый раз вставал на рассвете полный сил и мчался на работу. Несколько лет он жил в этом ритме, не уставал, не успокаивался. Если бы кто-то со стороны наблюдал за ним, он бы подумал: “Этот чудака взвалил на свои плечи судьбу всего человечества”.

И в самом деле таиб считал себя в то время ответственным если не за судьбу всего человечества, то за его здоровье. Когда он был ребенком, его мать простудилась, долго болела, прикованная к постели, и так и не поднялась, умерла. Он был потрясен. И отец после этого прожил недолго. Еще не прошли сороковины матери, как отец закончил свой земной путь. С тех самых пор в душе ребенка родилась ненависть к болезням. И по сей день таиб не утратил этого чув-

ства. Еще не окончив школу, он точно знал, что станет только врачом! Только врач способен реально помочь страдающему человеку - думал он, никакая другая специальность не может быть такой всемогущей; во всем другом либо сплошная ерунда и вздор, либо пустые надежды. А люди часто нуждаются в немедленной помощи... «Стань врачом, сынок, - сказала мать перед смертью. - Ты облегчишь страдания таких больных, как я, дашь надежду потерявшим ее, поднимешь их на ноги, получишь благословение». Всю трудность избранного им пути он ощутил позднее.

Еще учась в институте, он понял радости и горести врачевания, всю ответственность этого призвания. Глубоко изучая болезни, существующие в живом организме, он терзался страхом. «Неужели на свете столько болезней? Как человечество терпит это?!» Порою он возмущался: «Кругом столько жизней, висящих на волоске, а человек живет так легкомысленно и ничего не знает о том, что жизнь его вот-вот оборвется. А сколько микробов гнездится в, казалось бы, здоровом организме. И почему человек не чувствует этого? Чудо?»

На старших курсах, когда пришло время выбирать специальность, он не мог придти к определенному решению: «Что именно я буду лечить, в какой области специализироваться? Все болезни достаточно серьезны, все требуют внимания и большого труда. Если человек болен двумя серьезными болезнями, можно ли одну из них считать менее опасной? Ведь обе требуют лечения, а от тебя, врача, все ждут чуда». Но чем дальше, тем больше он понимал необходимость выбора. Он так был измучен этими колебаниями, что вдруг сам сильно простудился и слег. В первые дни он мерз под двумя ватными одеялами, дрожал, его била лихорадка, у него поднялась температура, заболела голова, навалилась слабость, губы обметало, абсолютно пропал аппетит. Он понимал, что заболел гриппом. И прежде он много раз грипповал. Но раньше все проходило легче, и он переносил болезнь на ногах, а сейчас... в нем не было живого места, тело ломило, голова раскалывалась. Да что это за болезнь? - злился он. А болезнь все не проходила и было не похоже, что она пройдет. Он хорошо знал, что грипп - инфекционная иногда смертель-

30

ная болезнь. Знал, что существует множество возбудителей гриппа, что его вирус обладает огромной приспособляемостью и изменчивостью. А сейчас он на собственном опыте понял это. Он достал через друзей-студентов новейшие исследования о гриппе. Пока он лежал в постели, изучил их досконально. Прочитав статистические данные о смерти от гриппа лишь за один год, он поразился. Вспомнил мать, которая умерла от этой болезни. В книгах было написано, что в основном от гриппа страдают люди с пониженным иммунитетом, дети и старики. В условиях жаркого климата не только старики и дети, но и взрослое население. Низкий уровень жизни, использование отравляющих химических веществ увеличивают заболеваемость анемией и болезнью щитовидной железы, в результате, понижается иммунитет. Грипп опасен серьезными последствиями. И, наконец, старики и дети разве не люди? Они страдают чаще.

С тех пор он стал много думать о гриппе, изучать страшную историю его проявлений и не менее страшную статистику. Друзья и учителя надеялись, что он займется хирургией. Их удивил его выбор: «Он взялся за самое легкое, за дело тех, кто не способен на что-то большее, на хирургию, например, или, хотя бы, инфекционные болезни. Упрекали порой: «На что изводишь свой талант? Ну что такое грипп? Разве так трудно выписать витамины и два простеньких лекарства? Это удел бездарных неумех».

Но он стоял на своем. И с этого времени все свои студенческие работы посвящал исследованию гриппа, его истории, причинам его возникновения и в особенности способам его лечения. Иногда его учителя возобновляли попытки склонить его к другому выбору, но он стоял на своем. Необходимо изобрести такую вакцину, которая имела бы силу воздействовать на всех возбудителей гриппа. Он мечтал об этом.

20

Тетя Лариса до самого обеда сидела на лавке, ей очень хотелось побыть рядом с людьми. Домой не тянуло. Когда

стемнело и все разошлись, она тяжело вздохнув, поднялась со скамьи. Она медленно поднималась по ступенькам, отдыхая на каждой площадке, вошла в квартиру. Открыла холодильник, вытщила сыр, нарезала его ломтиками и сунула между двумя кусочками хлеба, налила в большую кружку чай из термоса. Нехотя поела, убрала со стола, отправилась спать. Но сон не шел. Она долго ворочалась с боку на бок, наконец поднялась и села. Обвела взглядом комнату: вещи ... они надоели ей до смерти и в то же время были дороги - каждая. Она подошла к платяному шкафу и открыла дверку - сколько одежды, которую она много лет не надевала. Она погладила рукою платье, понюхала его: слабый аромат любимых духов еще сохранялся. Потом закрыла дверку, погладила шкаф, прошла дальше, прикасаясь к портретам и стенным часам... Глаза ее наполнились слезами... Тетя Лариса разрыдалась.

21

Акбар, пролечившись два месяца, покинул русскую землю. Он возвращался домой и чувствовал себя так, будто родился заново. Но на душе было смутно. Он понимал, что чудом избежал смерти. Однако радоваться по этому поводу вовсе не хотелось. Он стал раздражителен и совершенно равнодушен.

В таком настроении он пришел к табибу.

С теми же вопросами: в чем смысл жизни, призвание человека?

Табиб долго глядел на Акбара и понял, что его представления о жизни и людях изменились и это то, что мучает Акбара. Ему хочется привести в порядок эти свои новые чувства. На самом же деле, у Акбара был ответ на собственный вопрос, но теперь казалось, что его вовсе нет... Табиб понял, что прежнего Акбара нет. Но что с ними стряслось? Остался ли он таким же нетерпеливым в своем стремлении к справедливости? Или смирился? Ожесточился или стал безразличным? Все это было неясно табибу. Он был готов к честному рассказу, к полному, как и раньше, пониманию. Но Акбар был замк-

нут, закрыт, и на вопросы учителя ничего не ответил и внезапно попросил разрешения уйти...

Он пришел домой. Ставя перед ним еду, жена сказала:

- Зачем вы ходили искать Нурмата? Снова получили подарок?..

Акбар взглянул на жену.

- Только ты еще не попрекала меня. Тот самый Нурмат, каким бы он ни был, между прочим, мой брат, мой старший брат. - Ты неуважительно назвала его "Нурмат", так знай, это неуважение ко мне.

- А вы тоже должны знать себе цену. Когда он был вам так нужен в чужих краях, этот брат на полдороге продал товар и дал тягу. Разве не обидно?..

- Фарида!..

Жена замолчала. Потом тихонько заварила и принесла чай.

- Садись.

- У меня много дел...

- Мы уедем в город!

- Да?... - Фарида невольно села.

- Я говорю, давай уедем в город, - засмеялся Акбар, видя растерянность жены.

- Не шутите...

- А я и не шучу. Я не могу больше жить здесь. И я решил: мы уедем в город! - серьезно сказал Акбар.

- О Господи!..

22

Не прошло и недели со времени этого разговора, как Акбар переехал в город. Здесь он учился, и хорошо знал город: он сразу пошел на квартирный рынок... Продавцов было много. Акбар на следующий день оформил квартиру, купив ее у человека, уже подготовившего все документы. Хозяева оказались очень аккуратными людьми, дом был удивительно чистым и ухоженным. Акбару ничего не пришлось делать. Он лишь купил кое-какие вещи в пустые комнаты.: Теперь можно перевозить семью.

Турсунбай, как всегда, проснулся на рассвете. Он прошел во двор, умылся. Сунул ноги в сапоги и прошел к строящемуся дому. Походил там, прикинул, приблизительно определил срок работ: если работать в таком темпе, до зимы можно закончить. Разбудить сына? Нет. Он снова, как вчера, будет недоволен... Поработаю один... От работы не умирают, работающий человек не бывает униженным. Это лентяй ничего не заработает. Но дети почему-то этого не понимают. Им бы только веселье... Вот этот дом строится для сына, а он, будто наёмный поденщик, нос воротит, неохота ему возиться. "Либо днем работать, либо ночью", - говорит он, а в остальное время человеку положено отдыхать. О, Господи... С этими невеселыми мыслями Турсунбай взял ведро. Наполнил его вчерашней глиной, смешанной с соломой и, кряхтя, подошел к строящейся стене. В полумраке рассвета он нашел мастерок и, захватив им засохшую глину, постучал по земле, гладкую ее часть обильно полил водой и приступил к работе... Когда поднялось солнце, жена позвала его завтракать. Сожалея, что не успел сделать намеченное, бормоча что-то, он вымыл руки и, как обычно, чтобы не снимать сапоги, опустился у самой двери и разломил подсохшую лепешку.

- Принеси дыню, - попросил он, и вытащил нож, спрятанный в поясной платок.

- Каждый день дыня с хлебом, - ворчала жена, подавая ему дыню.

- Весь смысл в дыне, - начал Турсунбай, - как говорят, ешь дыню на рассвете...

- Наверно, эти ваши духовные наставники не призывали каждое утро напихиваться дыней, да и сами не делали этого. Уже два месяца в нашем котле не варилось мясо...

- Говори о своем желудке, у казана нет языка, - пошутил Турсунбай.

- Разве вам можно что-нибудь объяснить. На свете есть колбаса, сыр и еще много всяких продуктов, вы хоть это знаете?..

- Ты называешь еду неверных, - прожевывая дыню, Турсунбай зло посмотрел на жену.

- Ну, ладно, еда, хотя бы раз за всю жизнь вы, мой муж, повезли меня на курорт, в санаторий?

- Как же, соскучился об нас курорт... Тут дел невпроворот, а тебе по курортам разъезжать?

- Дела эти никогда не кончатся. До самой смерти. Вот вы... сколько времени непрерывно трудитесь, а что заработали?

- Ну почему же? Дочь выдали замуж, сына женили, дом заканчиваем.

- А вы, вы сами?.. О себе вы вообще не думаете. Вам бы снять ваши сапоги...

- Не смей о сапогах! Хожу в этих сапогах, зато ты ни у кого куска хлеба не просишь - поняла? Завяжи лепешки, некогда мне с тобою лясы точить. Я опаздываю!..

- Да чтоб она сгнула, эта работа! - жена покачала головой и продолжала что-то бормотать вслед мужу...

Турсунбай спрятал лепешки в поясной платок и отправился к хлопковому полю. На краю поля завел трактор. Теперь он собирал хлопок. Кончил он затемно, когда на поле выпала роса.

Подойдя к своему дому, он обошел строительство, снова прикинул объем работ и начал готовить глину для обмазки. Когда он вымыл лицо и руки и зашел в дом, все спали - в доме стояла тишина.

Он прошел в кухню и поднял крышку казана. Суп. Он помешал его поварешкой - несколько картошек и кусочки яйца. Значит, яичный суп. Он поленился его греть. На полке, прикрытые чистым полотенцем, лежали остатки утренней дыни. Стоя, он стал отрезать ломтики и есть. Чуть утолив голод, Турсунбай стянул сапоги, помыл и помассировал ноги и с тех пор, как началась хлопковая страда, впервые лег в постель. Вытянувшись, Турсунбай дотронулся рукой до волос жены и погладил их. "Волос длинен, ум короток... она ведь не знает, что такое настоящий труд", - пробурчал он. Ему захотелось разбудить ее. Но это желание было стремительно вытеснено из сознания налетевшим сном.

- Ты обычная проститутка, почему ты не целуешь меня, куда я велю? - раскричался толстый мужик, схватив Диану за волосы и поворачивая лицом к себе.

- Да, я проститутка, но кто вам сказал, что у проститутки нет достоинства? - вопросом на вопрос ответила Диана.

- У тебя достоинство? У тебя? - Он сильнее стянул волосы Дианы. - Я ведь купил твое достоинство, что же у тебя осталось?..

- То, что осталось, не меньше твоего! - сказала Диана.

И в ту же минуту свалилась без чувств от сильного удара в лицо. Она очнулась от того, что тело ее сотрясилось. Хорошо бы ей очнуться, когда все это кончится. Нет, в большинстве случаев жизнь не считается с желанием человека, а диктует свои законы. И человек вынужден приспособливаться... Диана, Диана!.. Несчастливая красавица, принцесса-невольница! Как ты была прекрасна и безгрешна, как ты была привлекательна и желанна... Кто только не окружал тебя, не клялся в любви. Но ты всех отвергла. Отвергла потому, что ни один из них не был похож на воображаемого принца, того прекрасного принца, который должен был приехать на белом коне. Ты не приняла никого, с кем могла бы построить семью, не приняла именитых, высокопоставленных... Потому что ни в одном из них не было ничего от сказочного принца. А ты хотела лишь его, ждала его, ждала... а он так и не приехал...

А тебе хотелось жить, быть красивой, шикарно одеваться, сладко есть. Со временем только эти желания овладели тобой, ты забыла своего принца и решила жить независимой жизнью. Для этого нужны были деньги, только деньги... И это положило тебя под такие вот вонючие денежные мешки.

Диана глотала слезы и молча лежала, впервые думая об этом. В то же время она чувствовала, что как бы она ни старалась, но совершенное ею изменило всю ее жизнь, и с чем она уже примирилась, и уже ничего невозможно исправить. И даже сейчас, когда толстяк сотрясался на ней, и крупные капли его пота капали на ее прекрасное лицо, точеный нос, припухлые

губы, золотые волосы, ее сердце разрывалось на части от сознания того, что ничего уже нельзя изменить.

25

Табибу не хотелось верить в то, что в наше время, когда стало возможным заменить больной орган человеческого тела здоровым, не найден способ лечения обыкновенного гриппа. После окончания института он получил направление в научно-исследовательский институт, где продолжал свои изыскания, и проводил все свое время в лаборатории... Но никаких утешительных результатов не получил. Против гриппа как не было, так и нет никаких средств, можно лишь облегчить течение этой болезни и тем помочь больному. Он пришел к этому выводу, и сам стал верить в это. Через некоторое время он вообще отказался от продолжения исследований и пошел работать в поликлинику педиатром. А люди по-прежнему болели гриппом, страдали, умирали, и это у него не выходило из головы. И он снова стал больше и серьезнее заниматься опытами. Сначала спасение ему виделось в антибиотиках; он пытался изобрести такой препарат, который соединил бы в себе особенности сотен лекарств такого типа. Потом он отказался от этой мысли. Инфекция гриппа не подчинялась антибиотикам. Нужно было думать о совершенно новом целебном средстве. Оно должно действовать на весь организм человека и таким образом изгонять инфекцию или вообще близко ее не подпускать. Все свое внимание он направил на ДНК. Ему казалось, что другого пути нет; воздействуя лишь на человеческий организм, эту инфекцию не победить, ее необходимо устранить, ликвидировать. И он взял длинные «каникулы» в поликлинике и снова устремился в лабораторию, где проводил все свое время. Вновь начались исследования, испытания, бесконечные опыты и анализы...

Результаты были неплохие: он выявил в ДНК человека такие особенности, задействовав которые можно было подавить не только вирусы гриппа, но и многих других заболеваний. Первые результаты обнадеживали. Теперь необходимо

было перепроверить их неоднократно, тщательно обработать оставшийся материал и убедительно обосновать выводы. Жаль, что все это было пущено на ветер. Не только на его опытах, но и на деятельности исследователя, а самое главное, гражданина, была поставлена точка; и снова недостаточно было того, что его выгнали из института, на него повесили еще и уголовное дело. Начался долгий судебный процесс, потом... потом его посадили... А все потому, что исследования, связанные с ДНК, нельзя было проводить в "незасекреченной" лаборатории "незасекреченным" человеком. Такими опытами вправе были заниматься только специальные сотрудники в специальных лабораториях и только по особому разрешению, выдаваемому согласно установкам, предписаниям и указаниям из «центра». Он немного знал об этом и потому скрывал свои опыты от окружающих и даже от своих коллег. Но хитрый, как лиса, заведующий отделом, клезузик и интриган, известный профессор, следил за необычной работой и вдруг однажды привел людей из специального ведомства. И все кончилось. "Я сам виноват", - ругал он себя все долгие годы заключения, ведь слышал и не раз о "чуткости" профессора. Еще до того, как положили конец его деятельности в лаборатории, он разговаривал с ним о том, что нужно истребить грипп «под корень» и что вполне возможно найти средство от этой инфекции. Как-то, увлекшись, он приоткрыл суть своих теоретических соображений: какими способами воздействовать на ДНК, чтобы поставить заслон на пути этой инфекции в самом организме человека, как можно использовать «резервные» механизмы иммунитета. В большинстве своем они широко известны, он лишь привел теоретические соображения о методах лечения. Именно после этого он заметил перемену в отношении к нему профессора. Какое-то особое внимание ко всему, чем он занимался. Но это не насторожило его – он знал, что заведующий всегда скрупулезно контролирует сотрудников.

И еще одно: в той полемике, которую он вел с профессором, проскользнула мысль, ошеломившая табиба. Он даже не поверил своим ушам. Профессор, будто владея всем материалом тайных опытов табиба, намекнул: «Совершенно нет

38

нужды тратить жизнь на поиск лекарств от гриппа. Мы уже видели тех, кто занимался напрасным трудом и в конечном счете не помог ни себе, ни другим. Да и сам человек просто не стоит этого. Наоборот, такие заболевания, как грипп, время от времени должны распространяться, - ведь должен же быть естественный отбор - человечество избавлялось бы от немощных и слабых. Тогда и можно заработать на «таких лекарствах»...

Увидев, что табиб молчит, профессор и сам почувствовал, что хватил через край и добавил: «Это только слова, не стоит обращать внимания».

Этот разговор долго мучил табиба, и позднее, в тюрьме, и много лет спустя ему хотелось понять истинный смысл сказанного этим человеком. Сначала эти слова и, главное, заключенная в них страшная мысль казались табибу преступными, а профессор – циничным злодеем. Потом, пройдя через все круги тюремного ада и встретив таких людей, которых и людьми нельзя было назвать, он понял, что профессор не так уж неправ и люди заслуживают разной участи. Но табиб так устал от неразрешимости этих проблем, что позже, снова думал об этом. Его жизнь и жизнь окружающих доказывала, что только доброта имеет смысл и сохраняет в человеке – человеческое. И он вновь начинал презирать и осуждать профессора.

26

Тетя Лариса снова видела тот же сон. Она на хуторе, где родилась и где на берегу Волги прошло ее детство. И опять она сидит за большим столом в окружении светловолосых курчавеньких детей, в очередной раз беременная...

И опять в ее сны являлись то отец с матерью, то сестры и братья, то муж. И всегда их дом был полон молодежи и родни, в нем было шумно от детских голосов... И каждый раз она запоминала из снов лица детей, а проснувшись, старалась представить себе ту часть сна, где были дети. Сегодня сон ее был таким же!

Вокруг стола сидели нарядно одетые дети, и она по очереди наливала им молоко из миниатюрного кувшинчика. Потом налила и себе, посидела немного и стала делать медленные глотки. Она погладила свой округлившийся живот... И проснулась. Проснулась, и ей стало не по себе: она помнила ребятишек из сна, узнала их всех: это были ее родные братья и сестры. Только ее не было среди них. Как же так, я была средним ребенком. Где же я, все есть, а меня нет, почему? А мама? Кто же мама?

И в эту минуту резко зазвенел звонок. Тетя Лариса вздрогнула. Она знала кто это. Махам! Он такой, он будет звонить, пока ему не откроют. Если бы она знала его лучше, не стала бы составлять никаких договоров. Она об этом уже много думала, до сих пор думает. Человека можно узнать и по тому, как он входит в дом, и по стуку в дверь, думала она каждый раз, когда Махам устраивал из звонка "светомузыку".

- Как дела, бабуля! - спросил Махам, морщась и опускаясь в кресло напротив нее.

- Вот лежу. День выхожу из дома, два дня лежу. Старость не радость.

- Да? - оживился Махам. - Что еще нового?

Он как всегда обежал глазами комнату.

- Ты не торопись, Махам, - не выдержала тетя Лариса, - уже недолго ждать, умру и ты получишь квартиру...

- Нет, нет, я не об этом, - краснея и волнуясь, заговорил Махам.

- Я ведь... как договорились всюду - и в махалле, и с людьми, я и жена проведываем вас, и только.

- Верно, спасибо. Но тебе не обязательно являться каждый день, и не присылайте мне еду. Я не могу есть жирное. Я стара, а в старости не положено... Лучше дай денег. Ты обещал дать, когда будет нужно.

- Деньги... Зачем вам деньги, бабуля? - деланно засмеялся Махам.

- Видишь? - Тетя Лариса указала рукой на табуретку, где стояли флакончики, коробочки и бутылки с лекарствами. - В старости день здоров, десять дней болен.

Махам тупо молчал, не зная, что сказать. Наконец выдавил из себя:

- Я мало зарабатываю, вы подождите, я принесу.

Тетя Лариса рассердилась:

- Я тебе оставляю квартиру, которая стоит целый миллион, а ты мне даже на лекарство жалеешь?..

- Хватит, я сегодня же соберу людей, позову стариков, я тебя осрамлю...

Она разнервничалась, нащупала на табуретке валидол и бросила под язык, Махаму же сделала знак - уйди!

Махам растерялся. Он не ожидал, что дело примет такой оборот.

- Вы успокойтесь, успокойтесь, - твердил он, не находя других слов... Затем вытащил из кармана пачку денег, сунул ее на табуретку между лекарствами и тут же вышел. Тетя Лариса поморщилась и с досадой закрыла глаза.

27

Диана поставила машину не в гараж, а напротив дома, туда, куда ставила днем. Поднялась по лестнице с глазами полными слез. Сейчас ее ничего на свете не радовало. Сколько времени она жила так... И вот сегодня она впервые раскаивалась в том, что выбрала такую судьбу. Сердце ее больно сжималось, - ее жизнь теперь будет полна, как сегодня, только этими жирными грубыми хамами. Да, человеческая жизнь горька и непредсказуема, не знаешь, какая участь ждет тебя завтра. В юности глаза сияют радостью, ты здоров, силен и полон надежд, а глаза твои видят только звезды. А дальше? Потом годы и годы... жизнь проходит и желания твои так и остаются желаниями, а надежды надеждами.

Самое худшее то, что время от времени они дают знать о себе, всплывают в твоей памяти, либо начинают сниться и без конца волнуют, беспокоят тебя...

С этими горькими мыслями Диана не заметила, как подошла к своей двери. Когда она доставала ключ из сумочки,

дверь напротив отворилась и из нее вышел высокий незнако-
мый мужчина:

- Здравствуйте.

Диана никогда не терялась перед мужчинами, не смуща-
лась, и вдруг смелой Диане стало как-то не по себе. Но она
взяла себя в руки и ответила на приветствие. Она невольно
окинула взглядом его необычно стройную фигуру - похож на
артиста.

Незнакомец обернулся, перехватил ее взгляд и улыбнул-
ся:

- Я ваш новый сосед, - и стал спускаться по лестнице. Че-
рез несколько ступенек он на секунду остановился и доба-
вил:

- Если вы здесь живете, конечно.

Диана стояла и невольно смотрела ему вслед. «Господи,
что это со мной», - подумала она и, повернув ключ, вошла в
квартиру. Она забыла о своих огорчениях. В душе ее вдруг
появилось что-то похожее на растерянность, состояние, кото-
рое не объяснишь словами. Она бросила сумочку на диван и
вошла в ванную. Она терла тело мочалкой до боли, и вспом-
нив, что помылась перед уходом от клиента, тихо проговори-
ла «О Господи»...

28

Акбар перевез семью в город. Нужно было устраиваться
на работу. Но куда? Этого он не знал. В школу ему не хоте-
лось, обращаться в другое место он побаивался. Он работал
только в школе, умел лишь учительствовать. Но Акбар ве-
рил, что сможет работать в любой области. Было бы дело,
которое бы ему нравилось и удовлетворяло бы его. Он коле-
бался, не зная куда пойти, к кому обратиться. Он поговорил с
сокурсниками по университету. Они одобрили его намерения,
но ни один из них не предложил ничего конкретного. Он долго
ходил по городу и снова подошел к школе...

Была перемена, ученики бегали по двору. Акбар прошел
мимо них и вспомнил свою кишлачную школу, своих учени-

ков. Какое-то непонятное волнение охватило его. Он пересек школьный двор и вошел в коридор. Здесь толпились ученики старших классов. Он спросил, где кабинет директора, и пошел, куда ему указали. Позади себя услышал девичий шепот: его обсуждали... Нашел кабинет директора, постучал в дверь, и вошел. В большой комнате сидела молодая женщина и вокруг нее учителя, они о чем-то совещались. Все подняли головы и с удивлением посмотрели на Акбара. Акбар поздоровался и, обращаясь к молодой женщине, сказал: «Я ищу работу». Никто ему не ответил. Все смотрели на него молча. Непонятно было, говорит ли этот молодой мужчина серьезно или шутит. Если серьезно, то что делать в школе такому красавцу-франту, а если шутит, то зачем же он стоит у двери в позе просителя.

- Кто вы, почему пришли сюда, какую работу ищете? - наконец спросила директор.

- Я...

- Пройдите, садитесь сюда, - любезно предложила она. Кто-то встал и уступил ему место.

- Меня зовут Акбар Алиев.

- Какая у вас специальность?

- Я учитель. 9 лет преподавал в школе язык и литературу.

- Вы...? – Директор не скрывала удивления. Учителя с интересом прислушивались к разговору.

- Да, а что тут особенного? - удивился Акбар.

- Да ничего, но, интересно, Акбарджан, такой как вы, как бы это сказать... - женщина не находила слов.

- Извините, такой франт, мы не представляем, как это вы собираетесь работать в школе, - иронически заметил пожилой учитель, глядя из-за очков. И многозначительно посмотрел на коллег.

Только теперь Акбар понял, что одет не для школы: слишком модно и дорого. Тот «благородный бандит», его мучитель, «кинул» ему в два или три раза больше, чем стоили дыни, и Акбар на эти деньги купил себе приличную одежду. Он, конечно же, покупал все это не для школы: черная кожаная куртка, серый джемпер под самое горло, брюки, черные туфли из хорошей кожи, на толстой подошве, все лучшего качества.

гомеопатическими средствами, но не отрицал и лечение химическими препаратами и, когда это было необходимо, выписывал их больным. С неугасаемым интересом и даже жадностью читал он о современных достижениях биохимии и хорошо разбирался в них.

Тема, волнующая в последние годы американских и европейских ученых, на разработку которой потрачен не один десяток лет жизни, и возникшие в последнее время проблемы цепей ДНК и ядра клетки не могли не вызывать его повышенного интереса.

Особенно волновало его клонирование - создание копии живого организма, - проблема, имеющая мировое значение. Смелое научное открытие нарушило душевное равновесие табиба. Еще в 60-е годы, когда он сам занимался исследованием ДНК, он и подумать не мог, что в ближайшем будущем наука достигнет такого уровня, что возможно будет создание копии живого организма.

Верно и то, что в то время подобные опыты проводились на мышах и крысах, и табибу это было известно. Но ему и во сне не могло присниться, что эти опыты со временем приведут к возможности увеличения рода человеческого искусственным путем.

В 1953 г. ученые Э.Уотсон и Ф.Криkk совершили научное открытие - создали модель пространственной структуры ДНК, и табиб, прочитав об этом, понял, что ничего подобного научная мысль еще не создавала и что это путь к революционным открытиям в медицине. Он не раз говорил со своими коллегами об этом.

Ведь и он, создавая свой антивирус гриппа, обратился к ДНК, дающему самые полные и точные сведения о генетической структуре живого организма.

Однако все пошло прахом...

Обдумывая эти открытия с этической точки зрения, он все больше склонялся к мысли о том, что не так уж неправ был профессор, наблюдавший за его усилиями и назвавший их фантазией и химерой. Он хотел разобраться в этом.

Исследование ДНК - это по сути изучение генетического кода человека, тщательное изучение книги Жизни, в которой

можно найти самую разную информацию и самые разные ответы на вопросы о прошлом человека или животного, о его настоящем и будущем. Теперь стало возможным свободно решать многие вопросы: какими болезнями страдали предки, какие пробы можно брать для анализа на ДНК, чтобы специальными прививками положить конец болезням, передающимся из поколения в поколение.

«Как будет развиваться биологическая наука? - думал таиб, кладя журнал на низенький столик. - Должна, же она наконец, помочь избавлению от страданий». Он посмотрел на стенные часы и поднялся - время молитвы.

30

Акбар бывал еще в нескольких лицах и школах: все безрезультатно. Он переменял одежду, подстригся, надел обычный костюм и даже повязал галстук. Но и это не помогло. Правда, его уже не встречали с удивлением как в первый раз, словно инопланетянина с далекой планеты, но когда дело доходило до «сидел, освободился», сразу же находилась причина для отказа. Акбар был словно заклеен проклятием. Он понял, что его связь с людьми очень хрупкая, ведь стоит человеку лишь почувствовать, что кто-то хочет или может сравняться с ним, он станет драться, отстаивать «свое» когтями и зубами, чтобы близко не подпустить к себе - такой он себялюбивый эгоист. Чтобы не потерять покой, он способен на все - даже на то, чтобы лишить другого крова, семьи, даже пойти против собственной совести. Лишь бы сохранить свое благополучие. Понимая весь ужас этого дикого эгоизма, Акбар леденел до самых ногтей. Ему казалось, что человечество постепенно тонет в болоте эгоизма... Он искал работу не потому, что нуждался в деньгах, а прежде всего для того, чтобы избавиться от праздности, чтобы не томиться от безделья и работать, работать, как привык, как работал всю жизнь. Если экономно расходовать, то денег, оставшихся после приобретения мебели и суммы, отданной родителям, могло бы хватить на несколько лет. Но дети растут, их нужно кормить и

одевать, с другой стороны, Акбар не мог жить без работы. Все это вынуждало его продолжать поиски. Особенно тяжело жилось с тех пор, как он купил в городе квартиру и поселился в ней один. Большую часть дня он тратил на поиски работы, но вернувшись домой, не находил себе места, сходил с ума от одиночества и мыслей о случившемся. Он много читал, но ни в одной из книг, не было ответа на вопрос о смысле жизни и не верилось, что такой ответ может быть. Он уже давно понял: у каждого человека своя судьба и каждому на роду написано свое. Судьба одного человека несоизмерима с судьбой другого. И как нет человека абсолютно похожего на другого, так нет и двух одинаковых судеб. И даже опыт их проживания у каждого свой, неповторимый. И даже умная книга не в состоянии научить жить. Человеческие судьбы отличаются одна от другой, как отличаются отпечатки пальцев, и если это так, то может ли быть найдено такое Слово, которое удовлетворило бы всех, раскрыло бы смысл жизни и, самое главное, дало бы уверенность в себе.

Акбар не искал в книгах что-то для себя лично, но ему было интересно знакомиться с разными судьбами людей и он листал книги, чтобы хоть на миг забыть горечь и досаду и не оставаться наедине со своими мыслями.

Иногда Акбар выходил из дома утром и весь день проводил в книжных магазинах. Он искал какие-то особые книги. А когда попадал в букинистические магазины, то не замечал, как летит время.

В один из таких дней, возвратившись домой с несколькими книгами под мышкой, он вдруг подумал, что зря столько читает, пытаясь уйти от своей жизни и прячась в чужую. Опыт чужих судеб к нему неприменим, а ответа на главный вопрос в них нет и быть не может. Так думал он с досадой. Занятый этими мыслями, он не расслышал звонка в дверь. А звонок все звенел, и Акбар, придя в себя, открыл дверь. Перед ним стояла красавица.

- Здравствуйте.
- Здравствуйте.
- Мне нужна ваша помощь.
- С удовольствием помогу.

- Переставьте мне, пожалуйста, телевизор...
- Как вас зовут, мы уже давно с вами соседи, а не знаем имен друг друга, - сказала девушка, когда Акбар переставил телевизор на другое место.
- Я - Акбар...
- А я - Диана... Садитесь, я приготовлю вам кофе.
- Спасибо. В другой раз, - Акбар пошел к двери.
- Вам спасибо... за помощь, - улыбнулась Диана.

31

Акбар вышел. За покупками он пошел не в ближний магазинчик, а в дальний, чтобы походить подольше. Он весь день просидел дома, и от неподвижности был каким-то вялым и расслабленным. Пройдя пол - дороги, он услышал со стороны стадиона шум и громкие голоса. Акбар обернулся: шла игра в футбол. Ему тоже захотелось погонять мяч, но он посмотрел на свою одежду и его пыл угас. Чуть дальше он увидел турник и обрадовался. С полчаса занимался на турнике: конечно, он давно не подходил к турнику, но старался делать все упражнения как прежде. «Если буду тренироваться, смогу обрести прежнюю форму», - подумал он.

Выйдя со стадиона, Акбар прошел на базарчик: купил лепешки, виноград и тихонько пошел домой. Еще поднимаясь по лестнице, он услышал телефонный звонок и ускорил шаги...

- Алло.
- Акбар-ака, это я, Фарида... Здравствуйте!..
- Здравствуй... Как ты живешь, дорогой дружок? Как дети, как отец с матерью?
- Спасибо, все благополучны. А вы как, здоровы? От вас никаких вестей, как дела у вас?..
- Все хорошо. Я кое-что купил из мебели. В квартире можно спокойно жить. Вы приедете?
- Приедем. Что же нам остается? Только я еще не получила разрешения уволиться. Недели через две получу, наверно. Да, а вы нашли работу?
- Пока нет.

- Почему?

- Приезжайте, с работой будет все в порядке. Или за вами приехать?

- Как хотите...

- Поцелуй детей. Они не рядом с тобой?

- Нет, я шла из редакции, решила позвонить.

- Ну хорошо, передавай привет.

- Ладно. Будьте здоровы.

... Акбар положил трубку и зашел в ванную комнату. Он стал перед зеркалом во весь рост, растираясь полотенцем, и вдруг подумал: "Если бы я жил в Америке, я бы мог свободно сниматься в кино".

Снова раздался звонок в дверь. Кое-как одевшись, Акбар открыл. Опять Диана. Он удивился и в то же время заволновался.

- Это опять я...

- Я вижу...

Они рассмеялись.

- Не могли бы вы поставить телевизор на прежнее место? - улыбнулась девушка.

- Что не вписывается?

- Похоже на то.

- Я сейчас оденусь...

32

И только Адам был один, и сказал Господь Бог: нехорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему.

И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и когда он уснул, взял одно из ребр его, и закрыл то место плотию. И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку. И разбудил Адама.

И сказал человек: вот это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою; ибо взята от мужа. Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут одна плоть.

И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились.

33

И жена, и дети Турсунбая взмолились: "Оставьте сегодня свою работу, пойдете на свадьбу в дом к брату". Но он снова с самого утра собрался в поле. Жена просто зашлась гневом ему в след, сын посетовал: "Все не как у людей, даже стыдно. Что мы скажем людям, когда они спросят, где отец?" Но никакие уговоры не помогли: он завязал лепешки в поясной платок, заварил в термосе чай, завел трактор и был таков - поехал на пашню. Была поздняя осень, и землю вспахивали под зябь. Турсунбай, как и прочие, усердно корчевал трактором гузапаю. И остановился лишь тогда, когда глаза перестали различать в темноте борозду. Уже около дома выключил мотор и вошел в комнату; все в сборе, значит, вернулись со свадьбы. Сидят на айване и весело делятся впечатлениями. Увидав отца, они поздоровались - сначала дочери, потом сыновья - и ушли в свои комнаты.

- Что случилось, почему дети ушли? - даже не вымыв руки и не сняв сапоги, Турсунбай зашел на айван.

- Сами знаете...

- Не знаю!.. - гневно воскликнул Турсунбай.

- Из-за вас мы оконфузились на свадьбе, - жена отвернулась.

- Я же с вами послал подарки, ты вместе с детьми пошла на свадьбу, чего же еще? - Турсунбай вздохнул и опустился на корточки напротив жены.

- Кто же вас мог заменить на свадьбе, отец? - жена раздраженно ударила ладонь тыльной стороной другой ладони.

- Неси костюм, - поднялся Турсунбай.

- После свадьбы наносить хну на...

- Все, хватит!.. Я не говорил, что не пойду на свадьбу. Я сказал, что пойду после работы. Вот теперь.

- Ох, провалилась бы эта ваша работа...

Жена, бормоча, ушла в комнату... Через минуту Турсунбай уже скрипел педалями велосипеда - ехал в дом брата. Желез-

ные ворота были открыты настежь, но вокруг ни души. Похоже, действительно поздно, свадьба теперь уже в доме жениха.

- Брат, эй, брат, - позвал Турсунбай, заглядывая во двор.

Во дворе никого, только два огромных опрокинутых казана, очаг и самовар говорили о том, что здесь была свадьба.

Тут отворилась дверь террасы и появился брат.

- Здравствуйте, брат, со свадьбой...

- Здравствуй, - словно не замечая протянутой руки, брат прошел к длинной скамейке и тяжело опустился на нее. - Слышал, что ты весь день корчевал гузапаю. Знал, что ты ради работы забыл и махаллю, и людей, и соседей... Но никогда не думал, что ты отвернешься от родного брата... глупец...

- Так ведь жена и дети с рассвета допоздна... - слова Турсунбая застряли в горле...

- У меня был один-единственный брат, - громко, дрожащим голосом произнес он. - Теперь и его нет! Уходи... иди на свое поле.

Турсунбай на минуту растерялся. Он не думал, что дело примет такой оборот. "Нужно было прийти", - мелькнула запоздалая мысль... Но делать было нечего, и он повел свой старенький велосипед прочь от дома брата. От сильного волнения не подумал о том, что можно сесть и поехать. Он долго шел, толкая велосипед впереди себя, и думал: "Почему я такой? Почему, как все люди, не могу оставить работу и побыть со всеми, когда нужно, почему?.."

Турсунбай всю свою жизнь, а ему уже за пятьдесят, слышит от жены, детей, от других людей один и тот же вопрос и только теперь задает его себе сам? "Почему?" И тут же он стал искать себе оправдание: "Ну что такое свадебное пиршество - день или полдня. А жизнь состоит вовсе не из смеха и веселья. Нужно работать, трудиться. Только трудящийся, работающий человек приносит пользу, только в труде - наслаждение и удовлетворение..."

На другой день рано утром Турсунбай натянул сапоги, завернул две лепешки в поясной платок, налил в термос чаю и завел свой трактор. Теперь его мысли, как и каждый день, были заняты работой, своими заботами: о брате и неприятной размолвке с ним было забыто.

Акбар обратил внимание на то, что место выбрано для телевизора не совсем удачно. На самом деле, с какой бы стороны ни посмотреть, а прежнее место в громадной стенке, специально для телевизора, было много лучше. Красивый, изящный диван стоял как раз напротив, с него было очень удобно смотреть телевизор... Зачем же она просила его переставить? Акбар не понял. Он молча поставил телевизор на прежнее место. Но потом все же спросил: "Зачем мы его переставляли?"

«Эх ты, простофиля», - подумала Диана с досадой. И вместо ответа она с улыбкой посмотрела на Акбара.

Но Акбар вовсе не был простофилей. С первой же встречи с Дианой у дверей ее квартиры он все понял. С того момента, когда они поздоровались и Диана повернувшись спиной, открывала свою дверь, он чувствовал, ее изучающий взгляд. Вообще-то он привык к таким взглядам. И до женитьбы и после женщины не обделяли его своим вниманием. Но до сего времени сам он не проявлял инициативы, никак не отвечал на проявленный интерес. И с Фаридой было то же самое. Даже сваты пришли от Фариды к нему. Акбар считал, что ему еще рано жениться. Но после прихода сватов отец сказал: женишься. Если ты о себе не хочешь думать, то подумай о девушке и ее родителях. После свадьбы один за другим появились дети - сын и дочь: он стал заботливым и любящим отцом. И на самом деле Акбар любил детей и жену, был привязан к ним. С тех пор он старался не замечать очарованных взглядов, легко и необидно избегал случайных знакомств. Фарида была чуткой женой, в своей семье он чувствовал доброе и ласковое отношение и покой, и не было никакой необходимости ни в знакомствах, ни во взглядах. До самого ареста у него было это чувство покоя. Потом его арестовали. А затем он жил в России, целых два года провел вдали от любимой жены и любимых ребятишек. Со стороны казалось, что все было в порядке и ничего не изменилось, однако Акбар чувствовал, что за эти два года что-то произошло. Он точно не мог сказать, что именно. Только случилось так, что в своей семье он

больше не чувствовал прежнего спокойствия и благодушия. Никто его не огорчал, никто ничего не вспоминал. И тем не менее, все было не так, как раньше. И жена, и дети уже привыкли жить без Акбара.

К нему относились уважительно, но, как прежде, не тянулись к нему, не встречали, как в былое время. И поняв это, Акбар ощутил странное чувство одиночества среди людей и на сердце у него было пусто. Иногда он думал: "Теперь мое присутствие в доме больше не праздник для них, а мое отсутствие не трагедия". И он страдал от этих мыслей. И одна из причин его "бегства" в город была именно эта.

Вот уже более двух месяцев он здесь, а Фарида все говорит "скоро приедем" и не приезжает. Конечно, ей нелегко уволиться (она главный редактор районной газеты), но с другой стороны, Акбару казалось, что Фарида специально затягивает свой приезд...

- Скажите правду, вам хочется поговорить со мной? - неожиданно спросил Акбар, глядя прямо в глаза Дианы. Да, у Акбара вдруг появилась манера говорить и задавать вопросы "в лоб". Раньше этого не было. Раньше это было бы на уровне "почему вы хотите переставить телевизор"? И в отношениях с людьми он был стеснительным. А теперь даже такую женщину, как Диана, он привел в замешательство.

- Какая искренность!.. – удивилась она и ответила: Да, хочу поговорить... и уже давно...

- Поэтому вы и просили переставить телевизор с места на место?..

Они рассмеялись...

35

Хотя Фарида и сказала Акбару, что получение разрешения на работе затягивается, на самом деле, ей не хотелось уезжать в город. Она родилась в кишлаке, выросла здесь... И в институт, в областной центр, ездила из дома. Здесь она вышла замуж, родила детей. А потом работа, работа и работа... Начала она корректором, потом потихоньку прошла все сту-

пени газетного дела. Ей было трудно, было время, когда она хотела уйти из газеты. Но человек может все преодолеть, со временем она привыкла и к людям, работающим рядом, и к подготовке газетного материала, и к шуму машины. А когда Акбар уехал в Россию продавать дыни и «задержался» там, ее назначили главным редактором. Вот уже несколько месяцев она занимает эту должность. Говорят же, если пятнадцать дней в месяце темные, то пятнадцать - непременно светлые. Так оно и есть. Она почувствовала вкус к своей профессии. Но муж... Она не знала, что ей делать. В конце концов как ей оставить родные, привычные места, уехать в чужой город, как привыкнуть и освоиться там? Что будет с работой? А дети, привыкнут ли они?.. Фарида уже давно думает об этом, колеблется и сомневается. Ведь недели бы хватило, чтобы привести дела в порядок и поехать в город. Но, трудно решиться на это, трудно сделать выбор. "И Акбар какой-то странный, понимает ли он сам, что он предлагает нам. Переехать в город означает переменить образ жизни, решиться на что-то новое. Это не игрушки. А ведь жизнь только-только вошла в колею", - думала Фарида с горечью. В то же время она прекрасно понимала, что жизнь, вошедшая в колею, это ее жизнь, а у Акбара в жизни - полный беспорядок, все вверх дном. Но ведь с теми деньгами, которые он привез, и здесь можно было бы найти и работу, и занятия, мысленно попрекала она Акбара, листая свежий выпуск газеты. Однако, нужно поскорее прийти к какому-то решению, это Фарида прекрасно сознавала. Акбар все время спрашивает - «когда приедете», а у нее, в ней самой, желание остаться усиливается и крепнет все больше и больше...

36

Тетя Лариса испытывала гнетущую тоску. Лежать, принимать лекарства... надоело... Ей очень хотелось, как прежде, посидеть с дорогими ее сердцу друзьями за богато накрытым столом. Это было нечто похожее на пирушку (и называли они ее в шутку "пиром Джамшида"), но сейчас она ругала себя за

эти мысли: "Господи, старая коза, а туда же". В этом настроении она провела немало времени. И вот в один из таких дней она остро почувствовала необходимость встретиться с подругами, и никакие аргументы не могли погасить это желание. И она сдалась: "Ну хорошо, что дурного в том, что мы снова соберемся, снова поделимся своими печальями». Она перенесла телефон поближе к креслу и начала набирать номера.

- Алло, это квартира Матлюбы? Да... Позови Матлюбу, детка... Что? Умерла? Когда?..

Тетя Лариса растерялась, она прижала трубку к груди и долго сидела неподвижно. Потом плечи ее задрожали, и она разрыдалась.

37

Табиб, а это было в его характере, не взял протянутые старухой деньги.

- Разве не стыдно мне брать у вас деньги?

- Вы их заработали, я ведь не даю вам их просто так, за зря?

Старуха снова подвинула деньги ближе к нему.

- Если вы их не заберете, не приходите больше, - решительно ответил он.

Старуха взяла деньги и, завязывая их в носовой платочек, сказала: "Просто не верится, что есть еще такие люди, как вы». В глазах у нее стояли слезы...

Зима... С тех пор как похолодало, у табиба не было ни минуты покоя. Порою даже ночью и в выходные дни его вызывали, к нему шли. И хотя кабинет, где он принимал больных, был отдельным, а в маленькой и тесной передней, где больные ожидали своей очереди, были написаны большими буквами часы приема, все равно, больные шли вовремя и не вовремя, шли от безысходности. И он не уходил с работы, никому не отказывая в помощи. "Как же можно отказать, это же больные, они пришли в надежде на помощь!», - говорил он в ответ на увещания коллег, что не следует принимать в неположенные часы, что он тоже человек и ему нужно отдох-

нуть. Те пациенты, которых можно принимать в рабочие часы, совсем другие. Они и сами знают, когда приходиться. «Но когда случается неожиданный приступ, когда больной пришел к тебе в надежде на спасение, как, с какой совестью можно его не принять? И кто же ты после этого? Врач или нет?» - говорил он. Но ищущие исцеления шли и шли, порою он не мог даже пообедать. Табиб и от природы был худощав, а сейчас он еще больше похудел. Но был он бодр и полон сил, легко двигался, голос его был звонким, он быстро справлялся со своими делами. Отдельно беседовал с каждым больным, выслушивал жалобы каждого, лечил их и часто мысленно обращался к Богу: «Что же у тебя так много недугов и печалей... Больно смотреть на это. Либо вырви из моего сердца сострадание, либо облегчи людскую долю!..»

- Здравствуйте, дедушка-табиб! - дверь отворилась, и в кабинет почти вбежала хорошенькая девочка лет одиннадцати-двенадцати.

- Здравствуй, деточка. Ну, проходи, садись, - табиб по привычке быстро окинул взглядом ребенка, обратив внимание на цвет лица. - Ты неплохо выглядишь!

- А я почти выздоровела. Начала ходить в школу, у меня хватает сил вышивать.

Было видно, что девочка счастлива, чувствуя перемену в своем состоянии. Она быстро и радостно достала откуда-то кусок ткани, развернула его на глазах у табиба.

- А это еще что, Нигина? - удивился он.

- Это полотенце. Но не простое, на нем ваш портрет. Девочка расстелила полотенце на столике.

- Мама мне совсем немного помогла, остальное я сделала сама, - с гордостью заявила она.

Табиб не знал, что сказать. На ярко-зеленом полотне нитками было вышито его изображение. Работа была не очень искусна, но во всяком случае табиб узнал себя.

- Когда я совсем поправлюсь, папа поставит вам памятник в центре кишлака, - решила обрадовать табиба девочка.

Он на минуту задумался. А ведь у матери и дочери есть основания быть ему благодарными. С помощью Господа и его, табиба, усилий, Нигина начала выздоравливать. Единствен-

ным спасением от ее тяжелейшего недуга - белокровия - была пересадка костного мозга. Лишь состоятельные люди могли себе позволить это. Хорошо, что отец Нигины оказался таким. Табиб встретился с ним и долго объяснял, что единственным спасением девочки является пересадка костного мозга и уговорил-таки увезти ребенка на лечение в Америку. Около года они пробыли там. Теперь девочка была под наблюдением табиба.

Он собрался с мыслями и четко сказал Нигине, что она должна делать.

- Послушай, детка, если ты действительно хочешь порадовать меня, выполняй все, что я скажу. Ты не должна забывать о лечении, не прекращай его, делай точно и вовремя то, что назначено. Да, сейчас ты чувствуешь себя немного лучше, но это не значит, что ты совершенно здорова и не должна принимать лекарства. Запомни, ты должна набраться терпения и еще долго лечиться.

- Я знаю, - решительно заявила девочка.

- И скажи папе, пусть не спешит ставить мне памятник. Это не самое необходимое, если хочешь знать. У нас в кишлаке нет хорошей больницы, пусть лучше об этом подумает...

- Я скажу, - серьезно сказала девочка, будто действительно поняла все.

Табиб подробно расспросил Нигину, как она принимает лекарства, какие упражнения делает, сумел ли достать ее папа нужный препарат. Удовлетворенный ответами, он отпустил девочку.

Нигина на самом деле выглядела, как выздоравливающий человек и цвет лица у нее был здоровый и свежий.

- Нигина!.. Девочка, обернулась.

- Тебе не обязательно каждый день ходить в школу. Ходи только на любимые уроки. Сейчас для тебя главное - здоровье. Когда выздоровеешь, догонишь подружек...

38

Акбар находился в каком-то странном состоянии. Вот уже две недели подряд он подолгу разговаривал с Дианой. Иног-

да каждый день, иногда через день. Между ними пока не было ничего серьезного, но в душе Акбара происходило что-то непонятное. Каждый раз Диана либо звонила в дверь, либо по телефону и они беседовали на самые разные темы.

Акбар лежит на диване, читает и снова ждет ее. Вчера она не приходила, сегодня должна прийти, вот только почему-то опаздывает. И только теперь Акбар вдруг понял, какое чувство он испытывает к ней. И испугался.

Да, он испугался по-настоящему - впервые в жизни он лицом к лицу столкнулся с этим. Испугался, потому что не мог себе представить, что же теперь будет?.. Впервые в жизни он так страстно-напряженно и томительно-нетерпеливо ждал женщину. Он весь день читал какую-то книгу, а закончив ее, ничего не мог вспомнить. Его переполнял покой, словно он был погружен в зной. Наконец он поднялся и посмотрел на часы: без четверти одиннадцать. В это время Диана непременно должна быть дома, почему же она не пришла, неужели что-то случилось? Ему стало еще жарче. Он походил по комнате, похрустел пальцами. Через минуту открыл дверь, вышел на площадку, стал напротив двери Дианы. И лишь тогда пришел в себя. «Что это со мной, что я делаю? Я женатый человек, у меня дети...» - эта мысль буквально пронзила его. Акбар вернулся в свою квартиру...

Диана весь день прислушивалась к звукам извне и вместе с тем думала о своей несчастной судьбе и горько плакала. Дело в том, что за день до этого, она ездила снова ублажать клиента и все началось... когда она вернулась. Впервые она с презрением и брезгливостью подумала о том, что она делает... С этими мыслями весь день пролежала на диване. Ничего ее не радовало, никого не хотелось видеть, ни с кем не хотелось говорить. Поэтому она и не позвонила Акбару. А вовсе не потому, что ей не хотелось увидеться с ним, просто она решила, что не имеет права общаться с человеком, у которого чистое и доброе сердце. Она чувствовала себя в какой-то темной яме, и все-таки ждала стука в дверь. Ждала Акбара. Она решила, что не откроет ему. Так она провела весь день. Наконец кто-то постучал. «Кто это?» - испугалась Диана. «Все равно не открою. А вдруг это Акбар?», - подумала она, но не дви-

нулась с места. «Нет, я не имею права», - эта мучительная мысль снова пронзила ее. Но она ждала. Диана быстро подошла к двери и выглянула в “глазок” - никого. Лишь дверь в квартиру Акбара захлопнулась. О, Господи!.. Диана вернулась в комнату и снова бросилась на диван...

39

Акбар много читал и о любви, и о любовных отношениях, знал из книг и о любовных страданиях. Однако, как оказалось, до тридцати лет не влюблялся. И вот теперь... Акбар не мог признаться, что ему вовсе не хотелось покоряться судьбе. Из всех сил он старался занять себя другими делами: то, вычитав в газетах объявления о работе, звонил по-телефону, то усердно читал книги и журналы, то смотрел телевизор, убирал квартиру, готовил еду, в общем, если посмотреть со стороны, он как и все, вел обычный образ жизни. Но в его сердце было все разрушено, все перевернуто вверх дном, как после сильного землетрясения - в нем не осталось живого места...

Целую неделю он пребывал в этом состоянии. А потом вся боль его вылилась наружу: он был изнурен, обессилен и уже не старался казаться добрым и стойким. И понял, что он уже не прежний Акбар. Внешне он был тот же, а в душе и сердце был хаос. Постепенно ежедневные поиски работы, уборка квартиры перестали интересовать его. Он перестал бриться, следить за собой. Его лицо заросло щетиной. Да и тело Акбара перестало ему подчиняться, настолько он, обессилел. Занятый своим недугом, он не выходил из дома и не интересовался тем, что происходит вокруг. Но и то, что касалось его, стало ему неинтересно, как бывает неинтересен старый заброшенный дом.

40

Телефон звонил непрерывно. Диана нехотя подняла трубку. Это опять был Марат. Вот уже несколько дней он не оставлял ее в покое и требовал выхода “на работу”; богатые

клиенты вызывали ее, но Диане было не до заработков. Она совершенно потеряла голову от нахлынувшего на нее чувства: была печальна, расстроена и ходила по дому как бешеная.

- Пойми, Марат, не сейчас...

- ...

- Нет, я не больна. Но я не могу пойти, я не в том настроении.

- ...

- Потом... Потом!..

Прошла неделя, и Марат снова начал звонить. На этот раз Диана ответила, что больна, и швырнула трубку.

Ночью, часов в двенадцать, в дверь позвонили. Диана посмотрела в глазок. Это был Марат. "Уйди", - сказала Диана. "Я не уйду, пока не поговорю с тобой", - ответил Марат. Пришлось открыть. Он ворвался в дом, схватил Диану за волосы и втащил в комнату.

- Что ты делаешь, ты с ума сошел?! - закричала Диана.

- Это ты сошла с ума, сука! - заорал Марат. - Ты что о себе возомнила? Ты всего-навсего одна из моих проституток, чего ты нос воротить? Ты забыла, как была без работы, как сидела без куска хлеба? Кто тебе дал работу, кто тебя одел-обул, кто сделал из тебя человека - забыла?

Марат дважды с силой ударил ее кулаком по лицу. Диана от неожиданности покачнулась, но не упала - Марат крепко держал ее за волосы. Он еще долго ругался, сквернословил, глумился над ней, кричал, что она должна работать и выплачивать ему долг, он злился и безжалостно избивал ее кулаками. Привыкшая к грубости клиентов, Диана на сей раз просто потеряла рассудок, кровь заливала ее лицо, тело обвисло в руках Марата и, если бы он не держал ее за волосы, она свалилась бы на пол. Из носа, не переставая, хлестала кровь, заливая платье, ноги, ковер.

- Запомни, для тебя обратной дороги нет, если и уйдешь, то только по моей воле. Станешь самовольничать, запомни, долго не проживешь. Марат разжал руки, и Диана свалилась на пол.

А в это время тетя Лариса успела сделать несколько звонков. Но многие из ее друзей перешли в лучший мир. Узнавая об этом, она горевала, плакала и шепотом читала молитвы. Она долго не могла успокоиться и решила пойти в церковь, потом это решение перешло в острую потребность. «Нужно купить свечи в магазине, - думала она. - Но Матлюба и Ханифа были мусульманками, можно ли мне молиться о них?» «- Об этом она тоже мучительно думала. И, наконец, позвонила Тане и попросила ее пойти с нею в церковь. Сама она в церковь не ходила, а если и была когда-то, то очень давно, еще там, на берегу Волги, в сельской церкви, куда ее водила мама и учила ее молитвам и как поминать усопших. С тех пор много воды утекло: церкви разрушили, книги уничтожили, несколько поколений выросло под лозунгом "религия-опиум для народа". Когда Лариса была молодой, ее не интересовали вопросы веры. Когда умерли ее родители и умирали родственники, она ходила на поминки и вместе со всеми поминала, выпивая рюмочку вина за царствие небесное. И вот теперь, когда «там» оказалось гораздо больше, чем здесь, она испытывала горечь и пустоту, ей хотелось хотя бы мысленно пообщаться с ними – с матерью, отцом, сестрой, друзьями, хотелось всех помянуть добром, как это положено. Но она знала, что сделать это можно по всем правилам только в церкви. И ее все сильнее тянуло туда.

До недавнего времени она не думала о Боге и не чувствовала в этом потребности. Рядом с нею был муж, она была занята на работе, окружена сослуживцами, друзьями и приятелями. Ни в чем не нуждалась, жизнь была сытой и веселой.

Смерть... если она существует, то где-то очень далеко... и до этого, казалось, можно еще очень долго жить. Нет, она не была совершенно неверующей атеисткой, но прекрасно обходилась без Бога. Она толком не понимала и не задумывалась об этом. Она была добра к людям, и к ней все были добры. По правде говоря, не только тетя Лариса, многие из нас живут так. И она была слишком занята собой, своим благополучи-

ем, своим женским успехом у окружающих – и не нуждалась ни в ком: ни в друзьях, ни в любимых, ни в родных, ни даже в Боге. Ей казалось, что впереди вечная счастливая жизнь. Нет, тетя Лариса за всю свою жизнь не причиняла никому зла. Она была неспособна на это, с ее мягким характером. Но она, как и многие, не знала, когда закончится отпущенное ей время и ее прекрасное лицо покроется морщинами, а ясные глаза потускнеют.

И вот теперь... Она столкнулась с этой неизбежной, безжалостной истиной: постарела, ее тело ослабло и покрылось складками и сама она, как дряхлеющее дерево, вся рассыпается. Эх, да что говорить? Теперь тетя Лариса ненавидела свой облик. Не то, чтобы она совсем не смотрела в зеркало, смотрела, конечно, но не так, как прежде, оглядывая себя всю. Сейчас она видела лишь свое лицо, глаза, губы, подмазывала их, приводила в порядок и все. Лишь чуть касалась своего лица. Господи, какой она была, совсем, казалось бы, недавно, а теперь... Это поникшее, обвисшее тело. Неужели мужчины и даже женщины - ее же подруги, когда-то не могли отвести глаз от ее стройной фигуры? Порою она сама подолгу простаивала у зеркала, любясь собою. Да что говорить!.. Разве можно сравнить ту Ларису, которая была в молодости, с теперешней - хочется плакать горькими слезами. Но и это прошло, минуло. Теперь она живет совсем другими заботами. Теперь для тети Ларисы все в прошлом: и молодость, и красота, и надежды, и мечты. Но к этой истине она пришла лишь тогда, когда действительно все минуло. А до этого она жила так, будто все это было еще далеко от нее!.. Что поделаешь, такова человеческая натура... Насколько крепки нити, связывающие его с земным миром, настолько слабы его мысли и заботы о мире вечном. Нити, связывающие тетю Ларису с миром в продолжении жизни обрывались одна за другой и, наконец, теперь, когда годы ее приблизились к восьмидесяти, от них не осталось и следа. И с их исчезновением в ее душе возникла другая зависимость, другие тревоги. Это были печали и скорбь мира вечного. Сказать по правде, нечто похожее почти незаметно жило в ее душе с тех пор, как она себя помнит. Даже в самые счастливые минуты, когда она была всеми любима и

радостно весела, прислушиваясь к себе, к своему сердцу, она понимала, что чувства, скорее противоречивые и не такие сильные как прежде, посещают ее время от времени. Но она была молода и красива и сердце было полно надежд, а сознание занято каждодневными заботами, которые мешали задуматься. И вот наконец теперь, когда мечты рассеялись, а тело покинула красота и сама жизнь плыла к другому берегу... тетя Лариса поняла, что те робкие мысли и чувства она долго вынашивала в своей груди. Из дня в день она прислушивалась к своему сердцу и не находила в нем других чувств. Да, она признавала теперь только их и иных для нее не было... Поэтому она вместе со своей старой подругой Таней, повязав голову платком, поспешила в церковь, и волнение сжимало ее горло. Да, для того, чтобы тетя Лариса отправилась в церковь, понадобилась целая человеческая жизнь, прощание с отцом и матерью, друзьями и коллегами, со многими, почти со всеми. Как только она увидела церковь еще издалека, мурашки побежали по всему ее телу. Она насторожилась. Крепко держась за Танину руку, переспросила, где и какую читать молитву, поправила платок и оглядела себя. А губы сами собою произнесли: "Господи, помоги"...

Они вошли в церковь, и тетя Лариса заволновалась еще больше, сердце ее наполнилось тревогой и еще каким-то непонятным чувством. Она почти прижалась к подруге и следом за нею перекрестилась.

- Успокойся, Лариса. Ты в Божьем храме, - словно почувствовав волнение подруги, ободрила Таня. - Пойдем за свечами.

Тетя Лариса снова пошла вслед за Таней. Повернувшись к ней, Таня сказала приглушенным голосом:

- За упокой молятся вон там... Пойдем...

И только тут тетя Лариса вспомнила, зачем пришла в церковь. С того момента, когда она собралась идти в храм, она беспокоилась о том, как, в какой форме обращаться к Господу со своими печалью и горестями, а обо всем другом, о близких, о своих усопших почему-то забыла.

Теперь она вслед за Таней подошла к иконе, зажгла свечу и поставила ее, перекрестилась, и, помянув покойных, про-

шептала "царствие небесное". Она прежде всего помянула отца и мать, но сколько бы ни старалась представить их лица, их облик, ей это не удалось. На память приходили только их изображения на фотографиях. Глаза ее увлажнились и она снова перекрестилась. Когда очередь дошла до близкой подруги Матлюбы, тетя Лариса засомневалась. «Она была мусульманкой, я - христианка, можно ли мне молиться о ее душе?» Она начала искать глазами Таню, но та стояла далеко от нее, среди людей, напротив другой иконы, и молилась. "Пойти спросить?" - подумала она, но снова заколебалась. Прошло уже много времени. После долгих размышлений, она решила: "Веры у нас разные, но сердца наши были близки. Ведь я молюсь тому же Богу, которому всю жизнь молилась Матлюба"... Ей сразу стало легче и она продолжала свою молитву...

42

Создав Адама, Господь приказал ангелам поклоняться ему. Они повиновались. И лишь сатана не покорился. "Почему ты не выполняешь мое повеление?" - спросил Господь.

«А почему я должен поклоняться ему? Ты создал человека из глины, а я происхожу из огня. Ведь он ниже меня», - возразил сатана.

Разгневался Господь и изгнал сатану из своих чертогов.

С тех самых пор не возлюбил сатана человека.

43

Табиб долго сидел на молитвенном коврике. Его все больше и больше угнетали вопросы, на которые не было ответа. Только что по телевизору он услышал об успехах американских ученых в клонировании человека. И это известие потрясло его. Диктор красноречиво и с энтузиазмом вещал о том, что пересадка человеческих органов превратится скоро в обычное явление и даже волосы на голове можно будет растить, искусственным путем, что в недалеком будущем станет

возможным по желанию человека менять любую больную или устаревшую часть живого организма. Из разъяснений специалистов следовало, что человеческие “запасные части”, выращенные в лабораторных условиях, вполне пригодны для того, чтобы собрать полностью нового человека. И хотя табиб сразу же понял, что это несомненно, сильное преувеличение, само это открытие – переворот в науке и сознании. В конце концов, можно будет облегчить многие страдания человечества: заменять обгоревшую кожу, спасать от увечий, избавляться от слепоты, глухоты. Но клонирование... мировое открытие, а значит человечество вторгается в пределы Создателя. И это его смущало, в душе шевелилось страшное сомнение: тысячелетняя и непоколебимая вера разлетится в пух и прах.

Он думал, что если даже в душе его, глубоко и искренне верующего человека, поселилось сомнение во всемогуществе Бога, то что же говорить об обычном человеке или неверующем? Бог будет изгнан из сердец человеческих, если “раб Божий” начнет заниматься делами Божьими. И сравнится с Ним. Станет вровень с Ним? Помилуй, Господи!

Да, в представлении табиба в дом Господа попало пламя. А это значит, что земная ось надломилась или дала трещину. И чем дальше, тем больше, он испытывал бесконечную душевную тревогу.

“Что же теперь будет? Кому мы будем молиться и у кого просить милости?” - неустанно спрашивал он себя.

Ему представлялось, что природа мировых открытий утверждает свою мораль: не надо рассчитывать ни на чьи силы, кроме своих, ни на кого другого, кроме себя, а значит – и не растрчивать их. Это вовсе не вдохновляло табиба: кто как не он знал, насколько слаб – сам человек, пасующий даже перед укусом муравья и не находящий ответов на вопросы духовные, на которые и нет достойных ответов в этом мире, да и сам он не находил и даже не имел желания искать их. И только Он... Создатель, Господь... Лишь его память хранила ответы на неутешительные вопросы и могла утешить и успокоить сердечную обиду и страдание... А теперь? Что будет теперь? Цивилизация, мировые открытия... Вместе с вели-

кой пользой разве не рубят они под корень духовные и моральные идеалы? Но ведь он не считает достойными внимания духовные и моральные запросы и нужды человека. Как раз наоборот - все он старается превратить в пыль и прах, но боль не проходит, когда закрываешь глаза. И прогресс ни на йоту не спасет человека от духовной нищеты. Величайшее несчастье обрушивается на нашу голову, быть может, неотвратимое... Эти мысли мучали табиба, не давали ему спокойно жить. Он все еще сидел на молитвенном коврике, опустив голову, и со стороны казалось, что он усердно молится...

44

В райском саду Эдема Адам вместе с женой преспокойно жил в свое удовольствие. Никаких печалей и забот. И тело, и душа имели все, что желали, и был лишь один запрет - не приближаться к деревьям посреди сада - всего лишь к двум деревьям и не есть их плодов. Адам безупречно исполнял это предписание и не тяготился им. Коль Господь запретил есть плоды этого дерева, так тому и быть. Адам никогда и не приближался к нему, да что приближаться, - он даже искоса не поглядывал на него. В конце концов, у них с женою есть все, что необходимо, и ничего не произойдет, если он не приблизится к этим двум деревьям.

45

А в это время Акбар с помощью бывшего сокурсника, работающего в газете, устроился в редакцию. Журналистика была знакома ему еще со студенческих лет, после лекций он ходил в редакцию то одной, то другой газеты. Да и через Фариду он хорошо знал эту работу. А потому Акбар не ощущал никаких трудностей. В тот день, когда его приняли в газету, Акбар в хорошем настроении вышел из редакции. Ему не хотелось идти домой, он знал, что дома он вновь будет испытывать гнетущую тоску. Дом ему напоминал лишь Диану и огонь,

обжигающий его душу. Вот он переехал сюда, и словно ему было мало забот, попал в беду - влюбился...

До самого вечера Акбар ходил по городу, зашел в магазин, купил голубую рубашку и два галстука. И вернулся поздно. Но и сойдя с автобуса, не сразу пошел домой. Погулял немного на свежем воздухе. Увидев на углу кафе, он понял, что голоден. Акбар вошел и заказал еду. Сидящие за столиками люди с аппетитом ели, Акбар тоже начал есть. Через некоторое время он тяжело поднялся, ноги не очень его слушались, он вышел из кафе и отправился домой. Было прохладно, небо чистое, прозрачное, словно вымытое, звезды будто цветник из множества бутонов, с деревьев обильно падают листья - диковинная поздняя осень царила вокруг. Голова Акбара слегка кружилась не только от волшебной силы вина, но и от чарующего лика природы, ноги несли легко, и от всего этого он испытывал блаженство...

Наконец он приблизился к дому. В углу подъезда незнакомые девушка и парень, прильнув друг к другу, о чем-то шептались. Он подошел ближе и ему показалось, что там стоит Диана. На минуту он почувствовал слабость в груди, невольно воскликнул "Диана!" Влюбленные удивленно посмотрели на него. Акбар подошел почти вплотную к ним: это была не Диана, но она была так похожа, что Акбар поразился. Смутившись, он подался назад...

"Откуда на меня свалилась эта беда?" Он тихо поднимался по лестнице и задавал себе этот вопрос. Он и в самом деле измучился: похудел, осунулся. Хорошо, что нашел работу, теперь, если семья приедет, он возьмет себя в руки. "Что бы там ни было, у меня есть работа. Работа лечит от всего - так говорят. И неудивительно, если все встанет на свои места..."»

Думая об этом, Акбар подошел к своей двери. Порылся в кармане и вдруг увидел, что дверь Дианы приоткрыта. На минуту он растерялся, постоял в нерешительности, затем подошел к двери Дианы и позвал ее. Никто не ответил. Он повернулся и снова подошел к своей двери. "Что мне за дело, открыта или закрыта ее дверь?" Он с треском открыл свой замок. Но не смог войти в квартиру, сердце его рвалось к

Диане. Он снова повернул ключ и закрыл замок. Снова открыл. И, постояв минуту, закрыл снова. Он много раз то открывал, то закрывал дверь. Наконец сунул ключ в карман, подошел к двери Дианы, открыл ее шире и вошел: "Диана!" - Снова никто не ответил. Акбар вошел в зал и увидел скорчившуюся на полу фигуру. Акбар испугался: "Диана! Диана!" - Он нагнулся, взял ее лицо в ладони и повернул к себе. На ее красивом лице в нескольких местах запеклась кровь. Она была в сознании, но ей не хотелось открывать глаза, смотреть на Акбара, говорить. Закрыв лицо руками, она отвернулась.

- Диана!

Диана молчала.

- Диана, ты должна рассказать...

- ...

- Что произошло?..

- ...

- Я люблю тебя... - эти слова вдруг сорвались с его языка.

Диана чуть заметно дрожала... И вдруг прошептала разбитым голосом: "Я знаю!"

А я не знаю, - Акбар сел на пол. - Я ничего не могу понять, Диана!..

- Чего понять?..

- Впервые в жизни я не знаю, не понимаю, что делаю, куда иду. Все мои планы на будущее развалились. Жизнь больше не подчиняется мне. Что же будет, Диана?..

- Только твоя жизнь? - Диана все еще лежала, свернувшись клубком...

- Что с тобой случилось? Кто тебя избил? - Акбар взял ее за плечи и усадил. Сам же опустился на корточки, повернул ее к себе и посмотрел в глаза. - Кто?..

- Неважно, кто меня избил и что у меня лицо в крови...

- А что же важно? Говори... - наконец закричал Акбар и, взяв ее за руки, хотел снова повернуть к себе.

Диана сквозь ладони смотрела на Акбара. Затем тихо заговорила.

- Моя жизнь, как и твоя, совершенно разрушена, я, как и ты, оказалась пленницей своего сердца. Как и ты, я не знаю, что будет завтра и что мне делать... Откуда ты взялся на мою

голову, разрушил все на свете и вселил в мою душу смуту? - Диана гневно отбросила ладони Акбара от своего лица, резко поднялась и ушла в ванную. Акбар не решался открыть с треском захлопнувшуюся дверь.

46

Сатана стал мстителем. Он ходил за Адамом след в след и дождавшись момента, привел его в середину сада и пытался хитростью, осторожно приблизить его к запрещенным деревьям. Но попытки сатаны оказались тщетны. Тогда он решил заморочить голову жене Адама, обмануть ее.

- Идем, я сорву тебе самых сладких яблок с деревьев, что посредине сада.

- Но нам запрещено есть плоды этих деревьев, - возразила женщина.

- Все это праздный разговор, - продолжал сатана.

Но, по словам Адама, мы умрем, если съедем эти яблоки, умрем в тот же день, - с недоверием посмотрела на Лукавого жена.

- Это сказал Адаму Господь Бог. Потому что у человека, съевшего это яблоко откроются глаза и вы будете как боги, знающие добро и зло. И Господь не хочет допустить этого.

Женщина заколебалась. И, почувствовав это, Лукавый призвал ее дерзнуть и, повторяя "идем, идем", привел ее в середину сада...

47

О, Господи, что же это за сила такая, что тянет все дальше и дальше и не оставляет тебя, пока не сделаешь того, что ей нужно, мучает, рубит на мелкие куски. Неужто она так сильна и могущественна, что не слушает разума, пренебрегает им, не признает его...

Колени Акбара дрожали, сердце его стыло. "Что же будет?" Этот вопрос сверлил в последнее время не только ум, но все его существо, его жизнь. Он чувствовал, что теряет силы, что

совершенно изводит себя. И еще он чувствовал, что счастье его зависит лишь от отношения к нему Дианы. Эта мысль никогда прежде не приходила ему в голову. Неужели так бывает, неужели счастье человека зависит от другого человека, от его чувств к тебе?.. Это противоречит привычной логике, это невероятно, уму непостижимо. Однако Акбар чувствовал именно так. Его душа стремилась лишь к Диане, его сердце тянулось к ней. Только в присутствии Дианы он чувствовал себя целеустремленным и целомудренным, и больше ему ничего не было нужно. Даже в те минуты, когда Акбар свободно вручал свою волю чувствам, заполонившим его сердце, он ощущал себя далеким от мира и его неразберихи, выше и свободнее их. А ведь прежде было совсем не так. Прежде у него была тысяча дел, тысяча забот. Прежде в его жизнь врывались представители мира сего - всякие, разные. Они теребили его, не давали покоя, отравляли его существование и порядком надоели и опротивели ему. А теперь? Теперь Акбар, прислушиваясь к своему сердцу, ощущал лишь один порыв, одно стремление - к Диане, видеть ее, ощущать рядом. И как только эта потребность охватила его, Акбар понял, что все другое не имеет значения в сравнении с порывами его сердца. В его жизнь вошел смысл. Да, точно, истинный смысл, истинное содержание. И имя этому - любовь... страсть... Верно, Акбар не искал любви, однако то, что он давным-давно искал, - это большой глубокий смысл. И вот он этот Смысл. Смысл, который называется любовью. Но, несмотря на жизнь, полную томительного ожидания, Акбар даже предположить не мог, что этот Смысл явится ему в облике Любви. Он всегда мечтал о достойной жизни, наполненной смыслом, но никогда даже представить себе не мог, что вот так неожиданно, а главное, без всяких его усилий, она осчастливит его своим посещением. Он прекрасно знал, что для достижения душевной гармонии и счастливой жизни человеку необходимо много трудиться и преодолеть множество невзгод. Но, посмотрите, вот оно: - и смысл, и волшебство, и клад. За что? Взамен каких страданий? Акбар был совершенно оглушен, он не знал, что должен делать, каким быть, был совершенно сбит с толку, был в замешательстве. Да, да, в замешательстве. Впер-

вые в жизни без всяких усилий, вдруг, он был удостоен такой награды. Господи! Судьба порою преподносит неожиданное; птица счастья, которую он ждал всю жизнь, так просто опустилась на его голову, а он, вместо того, чтобы сказать “добро пожаловать” и с радостью встретить ее, испугался, растерялся и онемел. Он чувствовал, что смысл рядом - вот его веяние, его дыхание, но, будто лишенный языка и движения, Акбар был нем. Почему? Почему?

48

Вот уже несколько недель Турсунбай пахал землю, заменив колесный трактор на цепной. Однако в этот сезон он чувствовал себя не так, как прежде, не так, как всегда. Пропал аппетит, он почти не ел. Похудел так, что и самому стало заметно. Вчера жена начала говорить о том, что нужно бы приостановить работу до весны и полечиться в одном из платных санаториев, пусть не столичных, а хотя бы областных. Но Турсунбай резко оборвал ее: “Ты что, совсем с ума спятила... человек должен тратить деньги на отдых?..» На самой середине огромной пашни он заглушил трактор. Он обессилен и почувствовал, будто что-то застряло в горле. Руки его повисли, он поднял высоко голову и закрыл глаза. Так он просидел довольно долго. Привыкшие к шуму мотора уши не выдерживали вдруг накатившейся страшной тишины. Он широко открыл глаза, тем самым надеясь уменьшить ужас, навалившийся на уши, и вдруг вспомнил, что он сегодня не обедал, у него не было аппетита, как прежде, а позавтракал молоком с крошечным в него куском хлеба. Он порылся в боковом кармане и вытащил часы: уже был четвертый час, а он не чувствовал голода. Несмотря на это, он, как обычно, повернувшись, достал из специального мешочка термос и узелок с едой. В огромную железную кружку бросил два кусочка сахара и залил их хорошо заваренным чаем. Отломив длинный кусок лепешки, окунул его в чай и поболтал. Потом нехотя откусил и проглотил несколько глотков горячего чая. И тут же его затошнило, он едва успел открыть кабину трактора. Он нагнул-

ся и его вырвало. Турсунбай пополоскал рот остывшим чаем. И в тот же момент где-то внутри горла, внизу, он почувствовал незнакомую боль. Он понял, что нездоров, и не знал, что ему делать. Будто оглушенный, Турсунбай посидел немного и осторожно слез с трактора. Было в этом что-то странное, необычное. Впервые за тридцать последних лет он чувствовал себя так. Прежде бывали простуды, головная боль, но он никогда не слезал из-за этого с трактора, он все одолевал, осиливал работой. Что же теперь случилось?.. Турсунбай оставил трактор посреди поля и, опустив голову, прямо через пашню пошел домой. Порою он спотыкался и падал, вставал и снова двигался вперед. Но шел он очень медленно, никак не приближаясь к дому. Что-то такое происходило с ним - сердце ныло, словно чувствовало нездоровье, и ему хотелось втянуть голову в сжатые плечи...

Турсунбай шел долго. Но пашня никак не кончалась. Он оступался, поскользнулся и совершенно обессилел. Ему было нелегко преодолевать эти лоскуты земли. Он снова споткнулся и рухнул на землю, не успев вытянуть руки, и прямо лицом упал в сырую, влажную землю. В рот набилась земля, он выплюнул ее, что-то бормоча, и кое-как постарался сесть. Немного передохнул, тяжело поднялся и распрямился. Но остановился в растерянности. Он то глядел в сторону, где из печной трубы дома клубился дым, то на середину пашни, где торчал покосившийся трактор. Он стоял, пока дурнота не прошла, и глаза его наполнились слезами. "Что со мною, я словно предчувствую беду?.. Тридцать три... За тридцать три года разве я хоть раз оставлял трактор еще до сумерек и уходил домой? Что случилось со мной, почему мне кажется будто я не вернусь сюда и никогда больше не увижу трактор?!.." Тело Турсунбая покрылось холодным потом...

49

На собрании Фарида давала указания сотрудникам, кто на какую тему должен подготовить статью. Когда все ушли, она начала думать о передовой, которую чаще всего писала сама. Она сидела долго, но ни одного слова не написала. Газета

выходила два раза в неделю, и писать “серьезную” статью было нелегко. Ведь она должна быть без единого недостатка. Уровень этой статьи фактически уровень всей газеты. Фариды была растеряна, не знала, что писать. Все, о чем ей хотелось рассказать, уже писала в предыдущих номерах. А теперь, что же, повторять сказанное? Фариды не любила повторов. Так она просидела почти в забытьи еще какое-то время. И, наконец, приняла решение и начала писать по инерции...

Часа через два Фариды позвала секретаря и протянула ей готовую статью: “Быстро напечатайте, мы должны успеть в сегодняшний номер!» Секретарь вышла, и Фариды, повторив про себя “если обращать внимание на настроение, в этом мире жить невозможно!” - окунулась в работу. Да, Фариды всегда была такой, как она сама себя называла - “реалистом”. Ее мучила мысль о том, что она в разлуке с мужем, что ничего не может изменить, и главной причиной был этот самый “реализм”. На днях к ней зашел один из сотрудников: “Фариды-опа, мне очень хочется написать серию статей о смысле жизни, о смысле человеческой жизни”. И затем сказал, что не стоит нагружать его и других сотрудников написанием статей на заранее заданные темы. Фариды долго молча слушала его и наконец сказала: “Ладно, Носыржон, пишите и о том, что задумали, но после тех статей, которые нам нужны. И не забывайте, что лично вашей жизни смысл дает та работа, которая вам поручена. А то, что хочется ... если дать волю желанию, сердцу, то чего только ему не захочется. Но жить-то нужно, Носыржон!..»

И как только за ним закрылась дверь, Фариды с горечью подумала об Акбаре: “Он тоже такой, даже еще больший мечтатель и фантазер. Что ему там делать в чужом городе, семейному человеку? Ищет смысл жизни? Так разве этот заблудший смысл не в том, чтобы воспитывать детей и жить как все люди!”

Но сколько бы она ни гневалась на Акбара, Фариды очень скучала о нем. Тревога и волнение перехватывали горло, когда она набирала телефонный номер. Но Акбара, видно, нет дома, никто не поднял трубку. От досады Фариды горько заплакала...

Снег валил крупными хлопьями. Выйдя из метро и торопясь на работу, Акбар замедлил шаги на аллее сада. Он смотрел на окутанные сказочным снежным нарядом деревья, словно погруженные в свои тайные долгие думы, и ему на память пришли стихи:

Белый снег падает хлопьями,
Деревья оделись в божественный наряд.

«Не в созерцании ли этой красоты, не в признании ли ее смысл человеческой жизни?» - размышлял Акбар, наслаждаясь огромными хлопьями, падающими с неба и тающими на лице и руках.

Поодаль юноша крепко обхватил за талию девушку и пытался повернуть ее лицо навстречу белым хлопьям. Девушка шутливо отбивалась и повизгивала, а он целовал ее в мокрое от снега лицо и смеющиеся теплые губы. Минуту Акбар с интересом и завистью глядел на них. «Ах, если бы они знали, что в жизни самое прекрасное - эти редкие моменты любви и нежности!» - подумал он...

Акбар еще долго ходил по скверу. Он вспомнил учителя, он тосковал по беседам с ним. Зная, что во время зимних каникул Фарида привезет детей, он не рвался домой. Да и телефон есть... но то, что он хотел рассказать учителю, пожалуй, лучше изложить в письме. И, расхаживая под деревьями, под скрип и хруст снега он начал мысленно писать письмо: «Учитель, я скучаю о вас. Я молчал потому, что мне нечего было рассказать вам. Теперь, похоже, есть: любовь! Но, я не знаю, что мне делать...

Понимаю, что главное не моя растерянность, а то, что я встретил ее, любовь, и то, что моя жизнь наполнилась смыслом. Я это чувствую всем своим существом. Да, учитель, я словно, наконец, нашел смысл жизни, смысл бытия. Разве не это было моим желанием, моей мечтой?..

Даже если эта любовь не даст мне ничего, кроме душевных страданий, все равно я счастлив. Потому что меня больше не мучает вечный вопрос, возникающий каждое утро, лишь я просыпаюсь: «Зачем я пришел в этот мир?» Словно этого вопроса

никогда и не было. Что вы мне ответите, учитель! Не обман ли это? Не мираж? Почему Вы, рассказав мне подробно о своей жизни, ни словом не обмолвились о любви? Почему из всего рассказанного вами этот вопрос остался без ответа? Так же, как и вопрос о смысле жизни. Или вы это специально скрыли от меня? Почему? Ведь это вопрос не праздный и я измучен в поисках ответа на него. Хотя я и не ищу особой логики и смысла, но то, что я нашел, не смогло даровать мне успокоения. Есть ли на свете что-либо прекраснее и сильнее любви, то, что может удовлетворить бунтующую душу?

Я очень соскучился по жене и детям - сыне и дочери. Сейчас у меня такое чувство, что именно встреча с ними избавит меня от тревог и волнений, и я обрету спокойствие. Но... это чувство обманчивое, я не раз убеждался в этом. Скоро они приедут ко мне, и через некоторое время, я уверен, моя душа будет жаждать другого, других чувств. И я порою просто выхожу из себя: кажется, была бы возможность, взял бы в руки меч и покончил с собой, лишь бы не терзаться в поисках ответов, отыскать и постигнуть, то что заставляет испытывать муки ада.

... И наконец, любовь! Лишь она нынче хочет меня научить чему-то, а я волнуюсь, выхожу из себя, и дыхание застревает в горле. По сути дела я ее толком не знаю. Но самый сокровенный смысл жизни, по-видимому, все же в любви. Как бы то ни было, пусть будет так, только бы снова не обмануться! А если то, чего я жду, вновь окажется миражом, я этого просто не вынесу. И не посмотрю на то, что это грех, я отомщу своей душе.

Акбар пришел на работу и, вместо того, чтобы писать намеченную статью, начал писать письмо учителю, письмо, которое уже написал мысленно.

51

Запретный плод пришелся по вкусу жене. Ни один плод ни с одного дерева этого бескрайнего сада не доставлял ей такого наслаждения, как этот, и женщина даже слегка растеря-

лись. Ей захотелось разделить свое открытие и свою радость с Адамом. Она сорвала самое красивое яблоко и побежала...

- Я принесла тебе самый вкусный плод, какой только есть в саду, - сказала жена Адаму...

- Какой же это плод? - он взял в руки яблоко и повертел его.

- А не с запретного ли оно дерева?

- С него. Только я уже попробовала и не умерла. Бери, ешь, - настаивала жена.

- Нет, - резко возразил Адам. - Посмотри, вокруг нас полно всяких плодов, почему же я должен есть эти, запрещенные Создателем?

- Так это другое, особенное, ни один плод в саду не может сравниться с ним. Жена взяла яблоко и поднесла к глазам Адама. Красивое яркое яблоко переливалось всеми цветами радуги в лучах солнца и слепило глаза. «На самом деле, какое же оно, запретное яблоко? По словам жены, очень вкусное. Она ведь съела!.. Если бы то, что сказал Господь, было правдой, она бы уже умерла. Значит здесь, в этом яблоке, есть какая-то тайна...» С этими мыслями Адам в нерешительности взял из рук жены сверкающее яблоко и не заметил, как надкусил его. А наблюдающий за этой картиной сатана радостно захихикал...

52

Но табиб не ответил Акбару...

53

И снова морозы. Не видно было конца веренице больных, идущих со своими жалобами, и табиб был занят весь день. У него не было времени даже для того, чтобы официально зарегистрировать свою личную амбулаторию. Он делал перерыв лишь для того, чтобы прочитать намаз. Табиб уже давно не прерывался на обед. Он считал, что для организма достаточно принимать пищу дважды в день, и своим больным советова-

вал то же, но не все это понимали и принимали. Человек создан так, что старается никогда не отступать от своих правил, от того, к чему привык. Он руководствуется чем-то своим, своей природой. Табиб видел мало больных, которые бы преодолевали устоявшиеся привычки и выполняли бы советы врача. Вот один из них сидит напротив - это Турсунбай. Табиб хорошо знает его, он живет через три дома. Да и кто его не знает? Он никогда не отдыхает, постоянно "работа, работа, работа" и люди придумали ему прозвище. Турсунбай-беспокойная душа. И действительно вся его жизнь проходила в каких-то жизненных мелочах и постоянном труде. Но сам он не замечал этого и считал, что это и есть жизнь...

- Я все знаю, Турсунбай, ну-ка дайте рентгеновский снимок, - табиб принялся внимательно рассматривать снимок. Затем также внимательно прочитал все бумаги с анализами и заключениями и с жалостью посмотрел на Турсунбая.

- Надежда... есть... табиб? - голос Турсунбая дрожал. - Я нездоров, а врачи меня отпустили домой. Они открыто не говорят, но я ведь чувствую долго не протяну... Я ведь ничего есть не могу...

- Вы, наверно, едите жидкую кашу, куриный бульон? Какое количество в день?

- Вначале все хорошо глоталось, а в последнее время - дней десять уже, даже глоток не могу сделать - рвота.

- Да, - лицо табиба становилось все суровее. У Турсунбая рак пищевода. И болезнь в стадии кульминации. Человека никто и ничто не могло спасти, кроме чуда Господня.

Табиб еще некоторое время задавал Турсунбаю вопросы. Было ясно, спасти его невозможно, но можно и нужно было избавить больного от непереносимых мучений.

- Турсунбай, делайте то, что я сказал вам, вам будет легче. Вот, я все написал на листочке. А сюда не ходите и не сидите в очереди. Я сам буду заходить к вам ежедневно.

Турсунбай похудел так, что кожа обтягивала кости: медленно переставляя ноги, он вышел, а у табиба защемило сердце. Целый день он принимал больных и все время думал о горькой судьбе Турсунбая. "Неужели никто из детей не мог проводить его. Несчастный, с тех пор, как он помнит себя, он

был завален работой, трудился не покладая рук. Не смотрел, холодно ли, жарко ли, жил впроголодь, копался в земле, глине. Все, что зарабатывал, нес домой, построил дом, выдал замуж дочь, женил сына... и ... остановился... Жизнь его кончилась. И что он видел в этой жизни?.. Что получил взамен?!.. Его болезнь, как в зеркале, отразила всю его жизнь. И разве только его?» Табиб по собственному опыту знал, болезнь человека может рассказать, как он жил или живет. Только это нужно уметь услышать. Когда болезнь одолевает человека, причины ее постепенно, одна за другой, выявляются и одновременно проясняется жизненный путь больного. Болеть чем-то серьезным – это в каком-то смысле оглянуться назад, вычислить и обдумать прошлое. Живя со своей болезнью, человек учится анализировать свою жизнь, контролировать ее и может сделать какие-то выводы... Человеческое рабство, его подчиненное положение в том и состоит, что уроки, полученные им во время страданий, тут же забываются, как только человек избавляется от них. Поэтому все повторяется в этом мире, в том числе и ошибки, заблуждения...

54

Тете Ларисе снова стало плохо. Дня четыре она не поднималась с постели. Она лежала, но лучше ей не становилось. Хотела купить лекарство, но пенсия почти кончилась, едва осталось на хлеб. Махкам... ах, какой же паршивый этот Махкам, будь он неладен!.. Тетя Лариса уже не сомневалась в том, что сильно ошиблась. «Лукавый попутал, одурела совершенно», - укоряла она себя. Теперь назад пути нет. Люди в махалле, знакомые... все в курсе обмена. А если бы и не были в курсе, тетя Лариса дала обещание и понимала, что назад его не возьмет. Почему же так трудно в этом мире избежать встречи с хитрецами и плутами?..

На днях она пошла в магазин за хлебом. У чайханы, что рядом с домом, ей встретился совершенно пьяный, едва державшийся на ногах Махкам, который пировал со своими сотрапезниками. Он увидел тетю Ларису и захихикал: «А, тетя,

как вы? А ведь вы молодеете”. Тетя Лариса, естественно, рассердилась, но молча прошла мимо. А Махкам что-то сказал своим собутыльникам и громко рассмеялся. Тогда тетя Лариса вернулась и подошла к Махкаму: “Что же делать, дорогой, все в воле Божьей, если бы была моя воля, я ни одного дня не жила бы. Если можешь, убей меня и вселись в мою квартиру”... Пьяный в стельку Махкам, чтобы не шлепнуться, схватил такого же, как сам, толстого приятеля за локоть, и забормотал: “Бабуля, хоть я и моложе, но сейчас я как отец для вас. Сколько времени я вас содержу. Верно ведь, братцы? - Махкам снова захихикал. - А между тем мне ведь еще тогда все сказали - через месяц откинется. А вы ... я вам устроил такой уход, что куда там откинуться, вы хорошеете на глазах...”

Тетя Лариса была оглушена этими словами Махкама. Она могла упрекнуть его обвинить в наглости, чтобы защитить себя, она знала, что сказать Махкаму. Но, у нее зашумело в голове, по телу прошла горячая волна, язык не поворачивался во рту. Она долго стояла так. Запомнила, что кто-то оборвал Махкама, укорил, но Махкам продолжал ругать и поносить тетю Ларису и, когда собутыльники уводили его подальше, успел крикнуть: “Скорее сдыхай, ведьма!”

С того самого дня она слегла. И уже ничего не просила у Бога, кроме смерти, с того самого дня мир для нее перевернулся.

55

С того самого дня, после всех событий, Диана не выходила из дома. Сидела взаперти. Толком не ела и даже в зеркало не смотрелась. Она лежала и все думала, думала. Синяки и ссадины на лице сошли, но она не могла набраться храбрости переступить порог.

Раньше все было просто и понятно: что и зачем она делает, какая у нее жизнь, что будет завтра, и главное она хорошо сознавала, кто она. Но вот встретила Акбара и все рассеялось как туман. Теперь она не была хозяйкой своей жизни. И

это было самое худшее, самое страшное. Теперь то ли огонь, то ли угар - какое-то незнакомое чувство затопило сердце и пытается подчинить ее себе, своей воле. И ему это удастся. Диана больше не принадлежала себе, она попала в плен кого-то или чего-то. Она не привыкла к этому. Ей нравилось быть свободной. Никогда и никакие силы не могли влиять на ее мысли. А теперь Диана чувствовала, что туго связана чем-то, и это невозможно разорвать, но самое ужасное было то, что это радовало ее и вполне удовлетворяло. В плену этих мыслей она встречала рассвет и сумерки. Все ее внимание было приковано к закрывающейся по утрам и с шумом открывающейся вечером двери соседа. Да, Диана таким образом преследовала Акбара, и сколько бы она ни желала свободно порхать по жизни, сколько бы ни желала свободно жить, она невольно, подсознательно связывала свои мысли с Акбаром... Как-то его дверь целый день не открывалась. Было уже почти одиннадцать вечера, а у него, в его квартире стояла тишина. И Диана как-то незаметно для себя начала беспокоиться. И даже несколько раз, выйдя на балкон, не удержавшись, заглядывала в окно его квартиры. А потом металась на своем диване. "Может он уехал домой, к семье?" - терзалась она. Но вдруг щелкнул замок. Диана подбежала к двери и выглянула в глазок - дверь Акбара захлопнулась. Диана поспешила на балкон. У Акбара зажегся свет. Диана с бьющимся сердцем смотрела на окно соседа, глаза ее наполнились слезами. Край занавески в окне Акбара дрогнул, и в окне показалась его стройная фигура. Он взглянул на ярко освещенную улицу и, переведя взгляд на балкон Дианы, улыбнулся... Слезы текли по ее лицу и жгли щеки...

56

Турсунбай был почти пригвожден к постели. Совершенно бессиленный, он не то что ходить, сидеть ни минуты не мог. Похоже было, что это конец. Соседи и знакомые заходили узнать о его самочувствии. Родственники каждый день были здесь, часто приходил и таиб. Только не видно было старшего брата. Тур-

сунбай все смотрел на входную дверь - ждал его. Порывался было попросить кого-нибудь, чтобы позвали, но уж больно не хотелось, чтобы слухи об их размолвке достигли чужих ушей. Да и чувство собственного достоинства не позволяло ему сделать это. Но это был его брат, самый родной ему человек...

Турсунбай лежал на кровати и смотрел в окно, из которого был виден еще не достроенный дом для младшего сына. Вот и сейчас он смотрел на это строительство и сожалел о том, что дом не закончен. В этом весь Турсунбай. Он сожалел не об отлетающей душе, а о том, что пришлось бросить на полдороге строительство дома.

- Здравствуйте, Турсунбай, - дверь отворилась, и вошел табиб.

Ответив на приветствие, Турсунбай с трудом поднялся и сел.

- Есть какие-нибудь изменения? - спросил табиб, опускаясь на стул у кровати.

- Ну какие могут быть изменения, - нехотя, погасшим голосом ответил Турсунбай.

- А вот это неверно. Ваше настроение порою важнее, чем мои лекарства. Кстати, вы аккуратно их пьете?

- По мере сил... но ... иногда у меня рвота...

- Пожалуйста, когда вам станет чуть лучше, пейте понемногу, хоть по капельке.

- Зачем, табиб? Вы все еще верите, что я поправлюсь?... - прошептал Турсунбай.

- Турсунбай, как бы там ни было, нельзя терять надежду. Я вам даю лекарство, которое сам приготовил. Оно новое. Я впервые его применяю на вас. Не стану давать вам ложных обещаний. Я делаю все, что могу, а вы мне помогите, остальное в Божьей воле, вы поняли меня?..

Турсунбай неуверенно кивнул. Табиб попрощался и вышел.

57

Сколько бы ни старался табиб, сколько бы ни пытался пробудить надежду на выздоровление, Турсунбай продол-

жал изо дня в день угасать. Ему ничего не помогало. В доме постоянно толпились люди - сыновья, дочери, жена... Но все они были бессильны исцелить его. Словно у всех на глазах Турсунбая куда-то волокли и никто даже из сострадания не протягивал ему руку помощи. В последний месяц Турсунбая не покидало это ощущение. Он все лежал, и у него болела спина. Он тосковал по своему полю, трактору, работе. Никогда еще ему не было так плохо, так горько. Будто болезнь схватила его за горло и душила, не давая возможности жить, дышать. Напротив, все больше и сильнее затягивала петлю, сокращая пространство между Турсунбаем и жизнью.

Теперь он больше не сомневался в том, что каждый миг, каждое мгновение может стать последним. А от старшего брата все не было вестей. И он понял, что нет на свете большего страдания и большей пытки, чем надрывать сердца своих близких. С того самого дня, как он упал прямо на поле, он думал об этом. Но никак не мог добраться до сути. Он надеялся, что брат придет, услышав о том, что он умирает, но Турсунбай уже не может ждать, пока брат справится с собой и преодолит обиду, чтобы переступить порог его дома. Он понимал, что у него остается слишком мало времени. Какие уж тут обиды, до них ли сейчас? Турсунбай позвал сына и велел ему заводить машину. Не обращая внимания на крики и увещевания жены и дочерей, он начал с трудом и кряхтением подниматься. И близкие поняли, что нельзя препятствовать человеку, чья душа висит на волоске, и помогли ему дойти до машины, подхватив его под руки. Турсунбай с великим трудом влез в машину и, глядя на сына, тихо сказал: "К брату"...

58

Еще несколько недель Турсунбай лежал, глядя в окно. Потом... кажется наступил последний день. С утра он чувствовал себя совсем плохо. Начался какой-то приступ, но какой, он не знал, не мог даже понять, что это. Что-то знакомое и в

то же время совсем незнакомое приближалось к нему. Он это ясно ощущал. И во время одного из таких приступов, Турсунбай потерял сознание. Сколько прошло времени, он не знал, но придя в себя, увидел вокруг тьму людей: жена, брат, дети... И даже табиб был здесь.

Брат держал Турсунбая за руку: "Турсунбай, скажи что-нибудь, не молчи, братик мой, родной!.."

Турсунбай не знал, что сказать. Ему хотелось сказать, но язык не слушался его. Он был удивлен и скользил взглядом по окружавшим его лицам.

- Турсунбай, - это был табиб, - вы хотите что-нибудь сказать детям, скажите...

И Турсунбай только теперь понял причину этой странной церемонии... Он понял, что это конец.

- Табиб, - прошептал Турсунбай. Табиб нагнулся над ним и все вокруг прислушались. - И вы смирились с судьбой?..

Табиб не ответил, он лишь кивнул головой.

- Табиб, - Турсунбай снова обратился к нему, - у меня к вам просьба. Посмотрите на то здание. (И все посмотрели в окно на недостроенный дом). Там не хватает одного кирпича. Посмотрите, будто пятно на лице портит всю красоту. Я прошу вас, пойдите и поставьте кирпич, пока я жив, пока моя душа не погасла.

Табиб посмотрел на дом и удивился, там не было места для кирпича. Все строение было обмазано глиной. Осталась лишь побелка и покраска.

- Табиб, - продолжал, вздохнув, Турсунбай, - я давно вижу отсюда эту выемку и думаю, но у меня нет сил исправить это. А детям... я не верю. Вон там, между двумя рамами, открытое место. Там не хватает одного единственного кирпича...

Табиб снова посмотрел сквозь рамы, - нет, там некуда было класть кирпич, но взяв руку Турсунбая в свою, он сказал:

- Хорошо, Турсунбай, я пойду и поставлю этот кирпич, как вы сказали. И табиб вышел. Он обошел строящийся дом трижды: ни между рамами, ни в другом месте он не нашел выбоины, куда можно было бы втиснуть кирпич... И тут услышались рыдания жены Турсунбая...

Такова доля врача: он то плачет вместе с больным, то смеется, радуется вместе с ним. Смерть Турсунбая угнетала и тяготила табиба, но его радовала Нигина, крепнущая день ото дня. Табиб, принимаясь лечить больного, словно вступал в борьбу с недугом, победив который, радовался больше всех, а терпя поражение, страдал, не находил себе места и чувствовал себя беспомощным и бессильным, почти ущербным.

Отец Нигины оказался не только богатым предпринимателем, но и мужественным, щедрым человеком. С того момента, как он увидел румянец на лице дочери - признак здоровья, начал строить сельскую амбулаторию, о которой табиб говорил Нигине. Сейчас там уже возвышалось просторное многоэтажное здание, остались только косметические работы.

- Папа говорит, что вы будете там самым главным доктором, - тараторила Нигина, не зная, как еще выразить благодарность табибу.

- Я уже стар, девочка, пусть там работают молодые. Но как бы то ни было, твой папа затеял благое дело, пусть Господь ниспошлет ему удачу!..

И все равно... Все равно в какой-то частичке души табиба таилось беспокойство о здоровье Нигины. Из своей многолетней практики он хорошо знал, что серьезные болезни – коварны: они сначала поддаются лечению, будто отступают, и вдруг, словно змея из под ног, снова набрасываются на человека. Думая о трогательной красоте девочки, ее изящных движениях, открытой душе, искренности, так редко встречающейся в людях, он просил Господа о том, чтобы она окончательно выздоровела и жила... жила...

Часть вторая

1

И тогда из-за дерева вышел сатана:

- До сей поры вы были слепы. И вот теперь ваши глаза открылись. И пока Господь не узнал об этом, вкусите плоды от дерева Вечной жизни. И вы никогда не умрете.

- Хватит, - сказал Адам резко, испытывая смущение и неловкость. - Разве ты не видишь, в каком мы смятении, вкусив лишь один плод.

- Все дело именно в этом. За ваш грех Господь Бог вас покарает: Он пошлет вам смерть. Поэтому вам совершенно необходимо съесть плод от дерева вечной жизни. И тогда можете не бояться кары Господней. Это избавит вас от зависимости.

Адам и его жена задумались. Поверить дьяволу? Или это обман? - размышляли они. Но, было уже поздно. Если они не съедят плод, который отвратит смерть, то их можно только пожалеть. И они волей-неволей последовали совету сатаны...

В этот самый момент с противоположной стороны появился Господь, а они были наги и поэтому спрятались за деревьями...

2

Весна. Люди вышли в поле. В такое время дехкане не думают о себе: все их мысли о работе. Ведь, осеннее изобилие зависит от весенних трудов. У табиба нынче работы поубавилось. Настало время, когда он может уделить внимание и своему хозяйству, и своей жизни. Сейчас вместе с юношей Искандером из соседнего кишлака, он делал подрезку деревьев на своем садовом участке и приводил его в порядок. Они продолжали беседу, начатую давно, свою нескончаемую беседу. Тема эта занимает табиба, пожалуй с тех пор, как он себя помнит. Он много говорил об этом с Акбаром, однако они не нашли согласия, и вот теперь этот разговор продолжается с Искандером. Разговор, суть которого не найти в словесной перебранке, в споре или полемике. Быть может, поискам этой

сути нужно посвятить годы жизни. Здесь трудно прийти к однозначному ответу, даже употребив все свои знания, научный багаж; этому нужно отдать самое дорогое - жизнь. Да еще улыбнется ли тебе удача? Но другого выхода нет. Уж коли встал на этот путь, в жертву ты можешь принести лишь жизнь - всю, до конца.

“Разве я не пожертвовал своей жизнью этим поискам? - думал табиб, показывая Искандеру ветки, которые необходимо срезать, и придерживал их, помогая юноше. - Ни семьи, ни семейных радостей и забот, ни желания наслаждаться жизнью, ни сожаления. Все словно сгорело в пламени, и превратилось в пепел, не оставив следа. Теперь этот огонь пожирает Акбара, превращает его в пепел. Он, как и я, отказался от радостей семейной жизни, общения с детьми. Без дома, без родины, без стремлений, без цели, слоняется как бродяга. Вот уже десять лет как он покинул кишлак, ему уже за сорок. А он все там, где был, доныне не усмирил себя. И тот самый внутренний огонь все еще пылает в нем. И вся беда в этом огне, Мятежном Костре, в его Бунте...”

Разве меня всю жизнь не жег в своем адском пламени этот проклятый огонь? И разве я не ощутил, как его порывы стали утихать лишь к шестидесяти?..

Вот когда я почувствовал, что проникаюсь покоем от счастья у меня разрывалось сердце. Это была награда за мои многолетние страдания. Наконец я избавился от этой муки, протеста, бунта и вышел на свободу. И имя этой свободы - Смирение. Я прекратил наносить себе удары, вернее сказать, силы, терзавшие меня в течение стольких лет, постепенно отступили, и я стал принадлежать себе. И я познал смысл жизни, смысл рождения и смерти: он в смирении, в принятии своей человеческой судьбы. Но, это не слепое примирение, а идущее от постижения и понимания. Великое смирение - как бы осознанное подданство Создателю. Потому что мой Бунт или, скорее, Мятеж вошел как часть в мое Смирение и приобрел совершенно другой смысл, другое значение. И я стал спокоен. Скорбь и печаль мира уже давно меня не тревожат, а теперь даже смерть не пугает, наоборот, я начал ждать ее как чуда. И это длилось почти 10 лет.

С тех пор, как Акбар отправился в путь, прошло примерно столько же. 10 лет я жил спокойно. И вот теперь... я даже думать боюсь...»

- Вы выглядите усталым, учитель... - сказал Искандер, задумавшемуся с веткой в руках табибу.

- Да-да - ответил, приходя в себя, табиб. И, стряхнув с себя пыль, поднялся. - Искандер, ты молод, не торопись делать выводы. Впереди еще много всего, что поможет их сделать. Таков человек: чем он дольше живет, тем, больше обновляется. Мудрость вчерашнего дня не годится для сегодняшнего, не говоря уже о завтрашнем. Поэтому не торопись. Жизнь сама постепенно ответит тебе на все вопросы.

- Мне семнадцать, учитель, а вам семьдесят. На мои вопросы вы давным-давно нашли ответы. Почему бы вам не рассказать мне о них.

- Да никакой от этого пользы, сын мой, - табиб пошел к дому, пробираясь между деревьями.

- Почему?

- Мои ответы тебя не удовлетворят.

- Но почему, учитель?

- Ты должен сам прийти к ним, ответить на них.

- Искандер обиженно замолчал. Табиб понимающе опустил голову...

Учитель и ученик один за другим вошли в кухню. На огне медленно кипел куриный суп...

3

Тете Ларисе была дарована долгая жизнь. Если бы Махам не умер десять лет назад, попав в беду, она за эти годы сошла бы с ума или извелась и заболела бы неизлечимой болезнью. Нет, судьба ее предотвратила эту неприятность странно, однако, что после смерти Махама ей не стало легче. Десять тоскливых остановившихся лет, беспросветные и горестные дни «дарованные судьбой», тетя Лариса и врагу бы не пожелала. Наверно, на свете нет более страшных дней,

чем те, когда ждешь смерти. Когда так изменился и постарел, так слаб и так немощен, что уже нет сил жить, когда не чувствуешь вкуса еды и благости сна. Да что говорить, ей все уже не под силу, даже выйти из дому.

Раз или два в неделю она все же кое-как выходит из квартиры поговорить с соседскими старухами и снова, кряхтя, поднимается на четвертый этаж с их помощью. После этого она несколько дней подряд отдыхает. А уж базар или еще куда-нибудь... О чем говорить? Зачем ей это на старости лет? До сих пор она просила соседей Диану и Акбара купить самое необходимое. Дай им Бог удачи, они ни разу не отказали ей. Наоборот, по очереди заходили и спрашивали, что ей нужно купить или сделать. А когда она плохо себя чувствовала, вызывали врача, приносили лекарства и никогда не брали денег, а в хорошие дни именно они водили ее в церковь. Может, поэтому она еще и жива, об этом лишь Господь знает. Но когда тетя Лариса молится, она не забывает помолиться и о них. "Если бы у меня был такой сын и такая дочь", - часто с тоской думала она. И было горько оттого, что на белом свете у нее не останется никого, кто вспомнит ее добрым словом. От родственников с берегов Волги тетя Лариса давно отдалилась; они давно не ездили друг к другу, не переписывались, отношения полностью прервались. Почему это случилось, она и сама не знает. Нет, знает, только не признается. Признавшись, она станет мучиться угрызениями совести. А она этого не хочет. Но это не меняет дела. Она сама виновата и в размолвке, и в отречении. В те времена она очень гордилась своей красотой и деловитостью и держала себя высокомерно. Часто ездила в служебные командировки, и где только не побывала. Во время одного из таких путешествий она заехала в город, где жила ее сестра, и попала на свадьбу племянницы. В самый разгар веселья сестра, по праву старшей, дала Ларисе добрый совет: "Родила бы ты, видишь, я уже дочь замуж выдаю, да и сыновей мы скоро женим". Ответ Ларисы обидел всех родственников разом: "Ну почему я должна родить? На свете у всех свое предназначение. Пусть рожают те, кто не может, как я, заниматься важными делами и ездить по свету. Что

же мне прикажете отказаться от моего положения и, как вы, сидеть дома и рожать детей?"

Со времени охлаждения отношений с родственниками прошло уже лет сорок или пятьдесят. Конечно, брошенная ею фраза не привела бы к разрыву с родственниками. Главная причина была в гордой уверенности в своей правоте, и она постепенно отдалилась от близких ей людей. Так, ребенок, которого не родила тетя Лариса, стал причиной ее отчуждения от родных, а позднее - ее бесконечных сожалений, раскаяния, страданий. А много лет спустя и того, что она едва не стала жертвой человека бессовестного и наглого, Махкама. Позднее... будь оно проклято, нужно было все делать раньше, одним словом, когда она была уже не так молода, она пыталась забеременеть, но из этого ничего не вышло, и были моменты, когда она из-за этого страдала.

"Зачем я пришла в этот мир, зачем пришла в этот мерзкий мир? - думала тетя Лариса, лежа на диване. - Мне уже за восемьдесят, разменяла девятый десяток. Какой смысл в этом прозябании? Ну почему у меня такое крепкое сердце? Люди и в пятьдесят, и шестьдесят помирают из-за пустяков. А я ... Хороша молодость... Моя жизнь завершилась вместе с нею... А в старости... Ведь это не жизнь, это сплошные мучения и печаль... Если бы у меня были дети... Хотя кто знает... Много я повидала тех, у кого они есть. Иным похуже, чем мне. Дело ведь не в том, чтобы родить, а в том, какими он вырастет... Если уж иметь ребенка, то такого, как Акбар. Счастливые люди - его родители. Но удивительно что он не вместе с ними. А жена и дети? Лишь иногда появляются и снова исчезают. А на вопросы он отвечает, что работа у жены там, а у него здесь. И не обязательно супругам жить вместе. Молоды они еще!

Однако есть у них какая-то горестная тайна. Он не говорит о ней, но я по глазам вижу. О Господи, кто на этом свете живет без скорбей?» Тетя Лариса снова опустилась на диван. Она очень устала. От мыслей, от сожалений, от волнений, нет-нет, от старости, от бесконечных переживаний в этой уже меркнувшей нескончаемости жизни.

4

Теперь и Адам, и его жена стали отличать белое от черного, хорошее от плохого. И они увидели, что наги и застеснялись друг друга. Они быстро нарвали листьев смоковницы, и сшили покровы и скрылись от Господа между деревьями рая.

- И воззвал Господь Бог к Адаму. И сказал ему: Где ты?

Он сказал: Голос Твой я услышал в раю, и убоился, потому что я наг, и скрылся.

- Я наг и я прячусь от тебя - ответил Адам.

И сказал:

- Кто сказал тебе, что ты наг? Или ты съел запретное яблоко? - спросил Господь...

Да, - признался Адам, - Я съел.

Разгневался Господь и изгнал Адама и его жену из Эдема. Адам и жена его покорно поплелись из рая, а позади звучал голос Создателя: «Ты послушался дьявола, обманувшего тебя, не пожелавшего поклоняться человеку, и забыл меня...

Это потому, что ты жил там в полном удовольствии и блаженстве. Ты не выдержал груза благостей. Покинь райские чертоги и живи на земле. Со скорбию будешь питаться от нее во все дни твоей жизни. И пока не вернешься на путь истинный, трудись в поте лица своего, испытывай страдания и смывай свой грех в муках.

Других средств, кроме этих, нет.

И запомни: пока ты окончательно не освободишься от сомнения и душевного протеста, вошедшего в твою плоть и кровь, пока искренно не раскаешься в грехах своих, не познаешь ты настоящего счастья». И изгнал Адама Господь.

5

Прошло десять лет. Но в жизни Акбара ничего не изменилось. Говорят, мужчина созревает к сорока. Но это вовсе не означает, что в сорок он бывает счастлив. Как бы то ни было, сердце Акбара на пороге сорока пылало точно

так же, как и в восемнадцать. С той же силой. Но если прежде была вера в то, что он еще молод, что все впереди, все изменится к лучшему, то сегодня, в сорок, эта вера уже иссякала. В ушах звенели сказочные звоночки: ты не должен дремать!.. После этих звоночков все будто становится ясным, как день. Ведь сказал поэт: "Все... все ясно, как пять пальцев, и в ясном дне и в темной ночи нет тайны, нет волшебства. И хотя вокруг меня мужчины и женщины, нет мудреца и нет любви и благосклонности, способных разбудить сердце"... Эта очевидность состоит в том, что состояние души Акбара и в 40 было таким, как в 18. Вопросы, мучавшие его тогда так и остались без ответа. В конце концов, где же утешение, где же безмятежность и где тот единственный уголок, куда можно притупить страдающую душу? Куда исчезла сегодня любовь, пришедшая 10 лет назад и так много обещавшая Акбару, казавшаяся одним общим ответом на все безутешные вопросы? Ушла в песок, словно дождь в пустыне?.. Он не знал. Было очевидно лишь то, что он лицом к лицу встретился с любовью и на ее крыльях воспарил в небо, иначе говоря, пережил то, что отпущено не каждому. Но вдруг в своем путешествии, на каком-то привале, он был охвачен внезапной усталостью. И ему казалось, что душевное страдание, душевные муки, свалившиеся с неба, теперь много сильнее прежних. До любви Акбар не чувствовал такой острой безутешности. А в любви он забыл все: мир, логику, разум... Зачем человеку, нашедшему то, что он искал, снова искать?

Любовь - это то, что нашел Акбар. Он внезапно слился с нею, и от счастья забыл обо всем. Потом... потом он пережил любовь, насытился ее трепетом, ее волнением и, когда вдруг освободился от ее объятий, перед его взором снова возникло прежнее - старые печали и заботы, беспредельное горе и беды - все возникло перед ним во всей своей прежней силе. Это было после любви... Увы, есть ли вообще в этом мире чувства на все времена?!..

Минуло десять лет. Для Дианы они не прошли бесследно. Эти десять лет сильно изменили ее. Мы не думаем, что Диана прежде жила в сплошной грязи, а эти годы подняли ее до небес. Но тем не менее женщина избавилась от грязи, от клейма, от судьбы проститутки.

И это было огромным счастьем. Ведь было время, когда Диана уверилась, что иного пути для нее нет. Теперь она прекрасно знала, что сильно ошибалась. Ведь ни одна женщина не рождается проституткой, ее толкает на этот путь неопытность, легкомыслие, слабость, желание заработать легкие деньги и убежденность в том, что она больше ни на что не годна. Но корень всего этого один: душевное бессилие. Диана за последние 10 лет научилась быть сильной и ей понравилось быть сильной. Раньше она не задумывалась об этом. Она лишь плыла по течению, которое называется жизнью. И знала: это и есть жизнь. Теперь все иначе, теперь она узнала вкус борьбы за счастье, радость пробуждения, определенность цели. Она поняла, что для счастья можно отказаться от многого. И в этом - огромная мудрость, смысл и даже обретение покоя. Конечно, причиной этих изменений был Акбар и любовь к нему. Если бы не это, Диана прекрасно понимала какой могла стать ее жизнь и ее будущее. Тогда, до встречи с Акбаром, она была очень красива, но ей было уже двадцать шесть. Допустим, лет десять еще она могла ублажать своих клиентов, а потом... А потом... быть выброшенной на улицу, как ненужная вещь. Даже, если бы ей повезло, и она нашла общий язык с Маратом или другим сутенером, то стала бы сводницей. Это было бы самое лучшее, что могло произойти в ее "будущем", а дальше... дальше, как судьба распорядится.

Нет, Диану, видно, Бог спас и послал ей Акбара. Теперь она хозяйка своей жизни, своей судьбы и эта жизнь, эта судьба очень и очень нравится ей. Акбар и его любовь спасли ее. А ведь она, как и Акбар, не знала любви, и, если бы не он, так никогда и не узнала бы. Так бы и жила в уверенности, что это придумано фантазерами и мечтателями от безделья. Теперь-

то она знает, что любовь - это чудо, дарованное Создателем лишь избранным. За эту щедрость и великодушие она бесконечно благодарна судьбе. А как же иначе? Разве любовь не спасла ее? Только благодаря любви она вернулась к своей профессии, к своим занятиям менеджера, к тому, что придало смысл ее дальнейшей жизни, занятиям, не просто достойным, но и глубоко осмысленным, дающим возможность зарабатывать иначе, чем это было прежде?..

Поначалу Диане в голову приходила мысль о том, что она полюбила Акбара за его красоту и мужественный характер. Ей нравились красивые мужчины. Она думала, что чувство к Акбару быстро пройдет. Однако шли месяцы, годы, пролетели десять лет, но в сердце Дианы горел незатухающий огонь любви, быть может, сильнее, чем прежде. Диана сумела стать спутницей, подругой человека, отличавшегося стойким характером. Если бы Акбар был просто красивым мужчиной, таким что кружат женские головы, Диана остыла бы к нему. Но сердце Акбара, его душа, были под стать его красивой внешности. И чем дольше они были вместе, тем больше она проникала в его душу и понимала его. Порою она задумывалась: а что если бы Акбар не был таким красивым, а был обыкновенным, как прочие, и даже некрасивым? Все равно, она любила бы его. Его добрый нрав – жажда справедливости, душевная красота и благородство каждый раз удивляли ее. Да, она любила бы его, даже если бы он имел самую заурядную внешность.

Впервые Диана поняла это десять лет тому назад, когда Акбар спас ее от Марата и трех его сообщников. Диана говорила не раз, что ее не оставят в покое, заставят работать на них, не позволят выйти из игры. Акбар отвечал: "Здесь все зависит от тебя. Если ты на самом деле хочешь расстаться с ними, прояви волю, не ходи. А придут, дай мне знать". Диана боялась за Акбара и не верила, что он один справится с Маратом и его дружками, но согласилась. А когда как-то вечером Марат пришел за ней, не впустила его в дом и позвонила Акбару. Вот тогда все и началось. Акбар наставил Марату столько синяков и шишек, сколько в прошлый раз Марат наставил Диане. А может, и больше. Марат исчез, а в

94

полночь вернулся с друзьями. Они требовали открыть, били в дверь ногами, ругались. На шум выскочили соседи - тетя Лариса, Акбар и другие. Увидев Акбара, Марат стал натравливать на него братков: "Вот тот самый! Бей его, дави, мочи!" Братки, словно овчарки, услышавшие команду Фас, бросились на Акбара. Но двое из них, не успев подняться по лестнице, тут же рухнули вниз. Увернувшись от кулаков напавшего на него третьего, Акбар уложил и его, пнув в живот; перепрыгнув через перила, обрушил удары еще на двоих поднимавшихся по лестнице - оба покатались вниз. Дальше было легче. Акбар снова ударил Марата, тот отлетел и упал прямо на растянувшиеся тела, но Акбару пришлось еще некоторое время яростно драться. Он сам получил несколько сильных ударов от одного из бандитов, но швырнул его так, что тот кубарем скатился вниз. Двое других, по-видимому, ушибли головы, они лежали под лестницей, как мешки. Марат поднялся на свой пролет, остановился, держась за лицо и тяжело дыша.

Диана, увидев Акбара в дверной глазок, распахнула дверь: перед нею была живописная картина. Диана была поражена. Она не ждала от Акбара такой отваги, решительности, смелости. Она почему-то была твердо уверена, что мужчина с такой красивой внешностью непременно либо трус, либо себялюбец, что совершенно непростительно, и обычно в них есть чуточку женского, что-то от женской натуры. Но сейчас перед нею стоял не просто мужчина с красивой внешностью, но и боец и воин, отвоевавший ее в неравной схватке, обладающий совершенно непреодолимым мужским очарованием. Потом время закружилось. А время - это такая мощь, что способно подчинить себе даже человека с непоколебимой волей и в конце концов, однажды, окончательно победить его и превратить в обыкновенного человека. Итак, промелькнуло ровно десять лет. И однажды Диана заметила несколько белых нитей в волосах Акбара. Сама же она не ощущала ни капли старения и не думала о том, что судьба ее изменилась. Изменились ее взгляды на жизнь. Женщины, конечно, владеют тайной - чем больше Диана проникала в мир любимого мужчины, тем больше к нему привязывалась,

и ее любовь и нежность к нему становилась с годами все сильнее.

В любом человеке есть различные свойства – умение либо дарить, либо принимать любовь. Быть может, это свойство характера. Это есть в Акбаре. Диана по-своему называла это “бесноватостью”. Он умел по-особому принимать любовь.

- Ты знаешь, что в тебе есть бесноватость? - говорила Диана, лаская Акбара.

- Нет, это только ты так считаешь, - отвечал Акбар.

- А я боюсь ее, этой твоей бесноватости, - тихонько повторяла Диана...

7

На улицах кишлака снова торжествовала весна. Снова потекли арыки, наполненные мутной водой. Зимний лед, который сковывал сердца, как бы оттаивал, исчезал. Новые желания, новые надежды волновали кровь.

А сегодня - день приезда Акбара... Радости Фариды не было границ. Ликование весны лишь усилило ее счастливое настроение. Настоящая радость Фариды - муж...

По сути, их совместная жизнь не была настоящей семейной жизнью. Но Фарида благодарна тому, что есть. Каждая встреча с Акбаром для нее - самый большой в жизни праздник. Она помнит, что раньше, еще до того ужаса, когда его посадили, все было не так. Тогда близость с мужем не делала ее такой счастливой. Сейчас все по-иному. Как в сказке... Конечно, первое время было трудно - она хорошо это помнит. Она была в странном положении – замужем, но без мужа, и только работа, работа и спокойствие детей, и чтобы ничего не подумали родственники и сослуживцы. А когда она уже сделала выбор, - одиночества и спокойствия – непрерывно изводила себя: «Почему? Значит, Акбар мне не так уж дорог?» То она брала с собою в город детей, то оставляла их у родителей, уезжая к нему, но тут же возвращалась к детям, непрерывно ездила туда-сюда, что приносило ей бесконечные волнения и тревоги. Но сегодня, похоже, все это

уже позади. Испив чашу своих страданий, она покорилась обстоятельствам и всемогущему времени. И ей стало легче. Да, да, именно Фарида, а не Акбар. Фарида в конце концов добилась того, что получала удовольствие от жизни. Или сумела найти в себе силы увидеть светлые стороны своей судьбы. "Что с того, что я вижу с мужем раз в два месяца? Главное, эти встречи делают меня счастливой. А потом я живу надеждой на следующую встречу. И в этом такое счастье! Многие почему-то стремятся быть постоянно вместе... Но они не знают счастья встреч и боли разлук. Им не дано испытать и понять то, что поняла я. Так объясняла Фарида для себя происходящее с нею.

8

Акбар... Акбар был другой. И с какой бы силой время ни требовало повиновения, для Акбара это не имело значения. По мере того как время объявляло свое новое решение, в Акбаре возрастал протест, несогласие. О Боже, быть может, бесконечность имеет какое-то логическое завершение? Но не было видно конца пламени протеста, пылающего в небольшом, величиною с кулак, человеческом сердце. И Фарида, и Диана благодарны Акбару: он сумел наполнить их жизнь чувствами, дал радость и ощущение осмысленности жизни - и эта их радость искренна и обе они счастливы, но огонь, сжигающий его, - это другой костер. "Когда же угаснет это пламя? - порою словно взывает Акбар к кому-то. - Когда же я наконец смогу полюбить этот абсурдный мир, полный пороков и грехов? Или хотя бы смогу жить не презирая и ненавидя его?". Да, все силы Акбара были направлены на преодоление душевных мук, рожденных этим огнем, стремлением все пропустить через свою душу, все вытерпеть и сохранить себя. Это требовало сил. Он ехал в город, он шел на работу, он был с семьей, с детьми. Потом... потом он что-то писал... Нет, у Акбара не было особого писательского таланта. Но он был думающим человеком, жил жадно, полной жизнью. Все это требовало выхо-

да. И он писал вот уже десять лет. В его местах и планах его произведение должно было ответить на множество вопросов, внести если не покой, то хотя бы ясность в его жизнь. Но оно тоже поглощало его целиком. Сколько раз из-за этого между ним и Дианой возникало непонимание: когда ему хотелось писать, он не впускал ее к себе или "проводил" в ее квартиру. И когда Диана говорила ему "боюсь твоей бесноватости", то она имела в виду и эти его причуды. Но Акбар уже не мог не писать: здесь, наедине с самим собой, он мог хоть ненадолго освободиться от тревог и душевных волнений, называемых протестом или бунтом. И хоть одно мгновение, всего одно мгновение передохнуть. Иначе он выбьется из сил. В конце концов, с тех пор как он себя помнит, он никак не может обрести покой, смириться с жизнью, понять ее. Но какое уж тут смирение... Коль ты стал на этот путь, значит нужно идти, только идти. До последнего... "Или пока сам не завершишь свой собственный путь", - шептал порою Акбар.

С годами заработки и Акбара и Дианы значительно увеличились. Детей у них не было, забот о жилье тоже, они не были накопителями, и все деньги тратили на нормальную еду, хорошую одежду и посылали в кишлак. Но и при таком раскладе у них за год накапливались немалые деньги. Да разве от женщины спасешься? Диана великолепно умела их тратить. Она любила путешествовать: загорать на Гавайских островах, кататься на лыжах в Австралийских горах, и иногда почти насильно тащила с собою Акбара стараясь приохотить его к «красивому» отдыху. Они иногда раз, а то и два раза в год отправлялись в путешествие и возвращались радостные, отдохнувшие. Годы летели вереницей, как журавлиная стая, и внешне все выглядело прекрасно. Вот только порою мир в глазах Акбара становился черным. И только... "Я вроде бы сыт, обут, одет и благополучен, но ведь ничего не изменилось. Огонь в моем сердце продолжает пылать, он сжигает меня" - в такие минуты Акбар был одержим протестом против своего «благополучия», его пустоты. Он как бы знал изначальную причину силы, рождающей душевное смятение, только не хотел ее признать и ей покориться.

Он не знал, как можно потушить это мятежное пламя, которое было неподвластно ни бедности, ни богатству, ни любви, ни ненависти. И Акбар понял, что человек в широком смысле не свободен, не принадлежит себе. Он вступает в этот мир не по своей воле и уходит из него не по своему желанию. Человек лишь сырье, глина в руках какой-то великой силы. Эта сила по своей воле управляет им: хочет - наделяет его здоровьем и красотой, а хочет - делает его больным или уродом. Человек не может даже на йоту изменить свою судьбу. Он поистине стрела, пущенная из лука. В какую бы сторону и с какой бы силою он ни был бы пущен, он летит лишь по своей траектории с заданной скоростью. Это и есть жизнь, это и есть "жизнь пережить"...

Протест Акбара родился на этой основе. И самая большая претензия у него к тому, кто выпустил стрелу - к Создателю!

«Наделив человека чувствительным сердцем и тонким умом, почему ты создал его таким недолговечным и слабым?

И раз уж сделал таким, зачем наделил пылкими страстями, гордыней и жадной совершенства? Ведь именно из-за несовпадения желаний и возможностей он чувствует себя несчастным».

Так Акбар возражал Создателю. Ведь человек почувствовал, ощутил, как прекрасен его дух, но эта красота скоротечна. Как прискорбно ему знать, что в Книге судеб предопределен и его путь, и его конец. И разве не это рождает несогласие, душевный бунт! Я знаю, я хорошо знаю, что человек не возникает сам по себе, что за всеми жизнями несомненно есть ты - Создатель. И понимаю, что открытое неприятие своей судьбы противоречит здравому смыслу. Но, несмотря на это, не приемлю, протестую. Другого выхода у меня нет. Почему?

Ответ же Ты Сам, о Создатель!

9

Когда Всевышний сказал ангелам: "Я хочу сделать Адама преемником Мухаммада на Земле", они ответили: "Не-

ужели Ты сделаешь особу, сеющую смуты и раздоры, проливающую кровь, наместником Мухаммада на Земле? А ведь мы восхваляем, прославляем и возвеличиваем Тебя и постоянно держим в чистоте Твое имя». И сказал Господь: «Я знаю то, чего не знаете вы. И Он научил Адама названиям многих вещей, названиям всего». И поставив их лицом к лицу с ангелами, сказал: «Если мы являемся носителями истины и если произносимые вами слова правдивы, то назовите мне названия всех этих вещей». И они сказали: «Эй, честный и добросовестный Создатель, мы знаем лишь те названия, которым Ты научил нас. Конечно же, сам Ты владетель премудростей науки». И сказал Аллах: «Эй, Адам, поведай им названия всех вещей». И после того, как Адам поведал, Аллах сказал: «Я поведал вам тайны Земли и Неба, ведь я говорил вам, что знаю все явное и тайное?» Вспомните: (Эй, Мухаммад) Как только мы велели ангелам поклониться Человеку (Адаму), они склонились в земном поклоне. И только сатана проявил высокомерие и надменность и стал неверным. И сказал: «Эй, Адам, вместе с женою твоею поселись в рай и там ешьте плоды с любого дерева. Только не приближайтесь к этому дереву, иначе вы сделаетесь извергами». Но их попутал Лукавый Бес и лишил жилища, а мы сказали: «Покиньте рай, сойдите на Землю (Вы), враги друг другу, теперь до определенного времени (пока не придет ваш конец) вы будете жить на Земле».

10

- Я очень устал, учитель.
- Но конца пути еще не видно? - внимательно посмотрев в глаза ученика, спросил таиб.
- Да, но уже близко и я рад этому.
- Ты о смерти? Ошибаешься...
- Почему же? Только смерть поставит точку на моих страданиях. Только в ее объятиях я найду успокоение...
- Ты делаешь большую ошибку, - резко прозвучал голос таиб.

- Не понял, учитель, - сказал Акбар, не пряча усталых, ввалившихся глаз от взгляда старца.

- Нужно успеть до смерти!

- Похоже, эта дорога не имеет конца?!..

- Имеет. Каждое начало имеет свое завершение.

Но речь о том, сумеешь ли ты в течение жизни туго повязать эти две точки - начала и концы, соединить их. И что важнее, уместятся ли в твоём сердце, в твоём мире эти две точки? Если уместятся и созданный тобою мир окажется пригодным для них, значит, ты успеешь: еще до кончины найдешь завершение, предел...

- Зачем нужно это завершение, если после этого придет смерть?

- Для того, чтобы умереть.

- А без этого нельзя умереть?

- Нельзя. Тело твоё может умереть, но не нашедший удовлетворения дух твой будет продолжать страдать в своём стремлении к успокоению. Поэтому времени мало. Лишь до смерти. До смерти необходимо завершить все дела, связанные с этим миром, если ты, умерев, хочешь найти успокоение. Другого выхода нет, - минуту передохнув, продолжал табиб. Ты не печалься, ты ещё молод, успеешь...

- Как называется то, что я должен успеть, учитель? Как же называется святой предел, наконец?

Голос Акбара звучал умоляюще. Вместо ответа табиб улыбнулся. А Акбар вспылал.

- Почему вы молчите? Почему каждый раз в конце разговора вы впадаете в уныние, учитель! Разве вы не видите...

- Я вижу, - перебил ученика табиб. - Я вижу твоё состояние, сын мой, но что делать? К итогу каждый должен прийти сам, я много раз повторял это. Чей-то итог не может быть результатом для другого, постороннего, и быть желанным и принятым исходом. Если бы это было так, ребенок никогда бы не освободился от опеки отца, от подчинения ему. Он жил бы точно следуя заповедям отца своего. Дело в том, что человек желает понять все сам, всем своим существом. "Это огонь, он обожжет тебе руку", - эти слова ребенок не поймет и не успокоится, пока не сунет руку в огонь и не обожжет ее.

Сколько было на свете великих ученых, мудрецов. Вот ты человек связанный с литературой. Но ведь ты не начинаешь свое творчество с тех фраз, которыми закончил Навои. Наоборот, с тех, с которых он начинал. И ты начинаешь, и другие. Но каждый из вас приходит к конечной цели, опираясь на свои возможности. И для каждого его цель дорога, священна. Поэтому, чужое кому-то бывает непонятным: порою кажется высокопарным, порою нет.

Ведь возможности и меры оценки разные. Я, допустим, говорю "вот результат", а проходит время и ты задумываешься: «Учитель мне говорил так, а на самом деле все иначе». Это естественно. Потому что как бы мы ни были похожи друг на друга, мы разные. И каждый из нас неповторим. И в жизни, и в суждениях. По сути, результат может быть похожим, одинаковым. Видно мы об одном и том же говорим разными голосами - каждый своим.

11

Дни потеплели. Деревья, словно вымыли и накрахмалили, тетю Ларису будто, что-то выманивало на улицу. Спустившись с лестницы, она задохнулась и грузно опустилась на скамейку, крепко прибитую к дереву. Тяжело дыша, она медленно приходила в себя. Ей захотелось немного походить. Она подняла тяжелую палку, опершись на нее, поднялась и двинулась в путь. Сколько раз она ходила по этой дорожке, не сосчитать... И вот теперь идет снова. Многоэтажные дома, деревья, гаражи, магазин, другие здания со временем становятся дорогими сердцу, словно добрые соседи. Тетя Лариса смотрела на них сейчас со странным чувством, и обрывки разных воспоминаний витали перед ней. Словно эти безжизненные здания были частичкой ее жизни и словно эти деревья и эти дома имели отношение непосредственно к ней. Когда она закрывала глаза и думала о своей судьбе, то не только годы и все пережитое, но и все, кто шел рядом, - будь то люди, деревья, собаки - все они казались кусочками ее жизни. Странно, что совершенно чужой чело-

век, который когда-то встречался с тобою, разговаривал с тобой, вдруг превращается в твои воспоминания. Следуя этой логике, человеческая память удерживает все значительное и незначительное. Он обречен на это судьбой. Потому что тот, другой, кто рядом - частичка твоей жизни... Тетя Лариса устала. Глаза ее искали, где бы присесть. Она нашла взглядом скамейку и направилась к ней. Минуту отдохнула. Взяла в руки очки, тщательно протерла стекла и надела их вновь. В доме напротив на первом этаже со стуком отворилось окно и показалась белая, как снег, голова старого человека. Ей даже в голову не пришло, что она может узнать его. Она невольно следила глазами за действиями этого жалкого старика. Его голова не повиновалась телу, наоборот, от любого легкого движения заваливалась то на грудь, то на плечо и непрерывно тряслась. Ввалившиеся глаза, не останавливаясь ни на одной точке, были в постоянном движении, взгляд лишь на миг задерживался и продолжал скользить дальше. Если бы зрение тети Ларисы было острее, она бы поняла, что этот человек либо плохо видит, либо не видит вообще, что его глаза различают лишь силуэты. Всем обликом он кого-то напоминал ей. Но кто это? Тетя Лариса поднялась, опершись на палку, подошла поближе, всмотрелась. О Господи, это Дмитрий... Дима..?

- Дима, Дмитрий, ты ли это? - она почти прилипла к стене и говорила громким голосом. Старик, похоже, услышал свое имя, голова затряслась еще больше, глаза забежали и, словно увидав ее, остановились на лице Ларисы.

- Дима, это я... Лариса...

- Лариса? - сдавленным, хриплым голосом переспросил он.

- Я, Лариса!.. Вспомнил?.. - Тетя Лариса потянулась и протянула руку, - мы с тобой сорок лет проработали вместе...

Старик стал наклоняться к ее ладоням. Хочет поцеловать, подумала тетя Лариса, и в ее глазах заблестели слезы. Но вдруг, почувствовав, что один из ее пальцев у него во рту, насторожилась. А ведь он подумал, что это что-то съедобное, и беззубыми деснами пытался жевать палец. Тетя Лариса выдернула руку и подалась в ужасе назад. Старик потя-

нулся за пальцем, но, ничего не найдя, принял прежнюю позу и снова затрясся. Как будто ничего не произошло....

Путешествие тети Ларисы на этом закончилось. Постукивая палкой, вернулась домой. Тяжело дыша, с трудом преодолевая ступени, поднялась по лестнице. «Хоть бы сердце само остановилось в одночасье или дыхание застряло в горле - вот избавление, - словно где-то внутри звучал голос. - Я еще в пределах приличия. Старость... - думала она, с досадой вспоминая Дмитрия. - Вот они, гримасы старости!»

12

А в это время Акбар возвращался из кишлака. Внезапно он поднял глаза вверх на четвертый этаж и увидел, что в распахнутом окне на оконной раме кто-то висит. Да это тетя Лариса! Он не сразу понял, что происходит. Ускорил шаги и вдруг его осенило: она же хочет выброситься из окна. Акбар бросил сумку и кинулся с криком: тетя Лариса-а-а!!!.... Но было уже поздно. Тетя Лариса услышала голос Акбара, который стал ей родным, но если бы хоть минутой, хоть секундой раньше - она бы не отпустила оконную ручку... Кто знает? Она полетела с четвертого этажа на асфальт и лишь одна мысль успела промелькнуть в ее голове: Только бы не лицом...

3

После ухода Акбара таиб почувствовал почти отвращение к себе: «Зачем я соврал? Зачем старался прикинуться ангелом? Ведь на самом деле и в меня вселилась тревога, смятение. Куда делось мое благодушие и душевный покой? Они ведь были еще каких-то десять лет назад. Быть может, Акбар успеет, он еще молод, а я одной ногой в могиле. Даст ли мне судьба шанс восстановить веру, уверенность... Какова судьба той девочки, жива ли она? Выздоровела ли, поправилась ли? Живет ли полной жизнью? Не знаю. О Созда-

тель, всю жизнь я искал, и вот теперь, когда нашел тебя и успокоился, появление какого-то клона все разрушит? Все пустит на ветер?.. Неужели это произойдет? Как трудно обрести покой и как легко потерять его... Неужто мне суждено уйти из этого мира неудовлетворенным, не осуществившим своих надежд.

Ведь все тяготы всей жизни, были перенесены ради того, чтобы перед смертью быть спокойным и уверенным и чтобы я смежил веки не в мучениях, а в спокойной удовлетворенности. Неужели обретенный мною смысл, обретенный мир - лишь за смеженными веками? Неужели это с самого начала был мираж, а я, несведущий, истолковывал его как реальность? Неужто и ты ... нет-нет, язык не поворачивается, но что делать, этот вопрос вот уже десять лет живет в моей душе, и, словно петля на шее, давит меня, выжимает все соки. О Господи, каюсь, но у меня нет другого выхода, как задать этот вопрос тебе самому. Создатель!.. Неужто, неужто мы, род человеческий, тебя придумали?.. И неужели такая могучая и могущественная сила могла возникнуть в воображении слабого и хилого существа?

Караул! Помогите! Пожар! Эй, представители рода человеческого!..»

14

На похороны тети Ларисы пришла толпа народа. Кого здесь больше, пришедших на эту грустную церемонию - русских или узбеков? Акбар и Диана занимались прощальными приготовлениями. Да, у тети Ларисы были подруги и знакомые - ее ровесники, но большинство из них люди очень старые, уже ничем не способные помочь, они только подсказывали, как и что нужно делать: заказать гроб, обтянуть его черной материей, договориться на кладбище, заказать машину. А всем этим занимались Акбар и Диана. Но это не было обременительно для них - ведь тетя Лариса стала им за долгие годы родной. Они печалились, не могли поверить в эту нелепую, несуразную смерть.

- Почему, - спрашивал Акбар у Дианы. - Ну почему? - Они уже ехали на машине на кладбище. - Почему она выбросилась из окна?

- Может быть, тебе только показалось, может, она что-то там хотела сделать и неожиданно упала?

- Нет, я сам видел, как она бросилась вниз. Тут не может быть сомнений...

- О Господи, но почему?

- Я знаю... я знаю причину... - Акбар немного успокоился. Первый ужас трагедии, свидетелем которой он стал, уже прошел, и он уже мог спокойнее оценить случившееся.

- Тетя Лариса больше не могла выдержать тяжести своей судьбы, доли.

- Что это значит? - удивилась Диана.

- Мне сложно объяснить, и ты этого не поймешь, не нужно допытываться. Сделав жест, означающий, что разговор окончен, он поглубже вдвинулся в кресло и закрыл глаза.

15

- Здравствуйте, дядя табиб...

Уже давно рассвело, день был в разгаре, а табиб все сидел за низеньким столиком в той же позе, в какой сидел ночью.

- Здравствуйте!.. - повторил голос.

Табибу этот голос показался странным, доносившимся будто издалека. К нему вернулось сознание, он почувствовал вначале свое тело, ноющие кости, потом открыл глаза и поднял голову. Перед ним стояла Нигина. Одной рукой она бережно держала ребенка, другой – узелок. Неужели это та самая Нигина, которая болела белокровием и которую врачи приговорили к смерти. И вот теперь она выздоровела, окончательно избавилась от недуга, вышла замуж, родила ребенка.

- Здравствуйте, дядя табиб, - в третий раз прозвучал ее звонкий голос.

- Здравствуй, девочка, проходи, - табиб поднялся, прошел на терраску и сполоснул лицо. - У тебя сын? - Он бережно взял из рук Нигины младенца.

- Да, ты мне говорила. Очень славно, очень славно. Дай тебе Господь долгой жизни и полного счастья, детка, - табиб осторожно поцеловал младенца и вернул матери.

- А я напекла вам самсы с зеленью, - Нигина поставила узелок на стол и прижала ребенка к груди.

- О, уже время зеленой самсы? Спасибо, детка, - табиб оперся двумя руками о край стола и осторожно сел. Он жестом пригласил сесть Нигину.

- Нет, я пойду, - заколебалась девушка.

- Похоже, ты мне что-то хочешь сказать?

- Да... - кивнула Нигина. И запинаясь, заговорила.

- Знаете... я... я... - глаза ее наполнились слезами.

- Я люблю вас!..

- Я знаю, детка, знаю... Я тебя тоже люблю, - сказал табиб печально.

- Благодаря вам я вернулась к жизни. Узнала, что такое семейное счастье, счастье материнства. Вы мне очень дороги. Как отец... вы... Я всю свою жизнь буду помнить вас, благословлять, молиться за вас, - она хотела еще что-то сказать, но слезы душили ее... Она дважды сглотнула, но не смогла справиться с волнением и, крепко прижав ребенка к груди, быстро пошла к калитке...

Табиб... лицо табиба залило болезненное волнение и вдруг у него вырвались слова: «Прощай, Нигина!»...

16

Больные входили один за другим и рассказывали ему о своих недугах - табиб окунулся в работу. Как обычно, не пообедал. Ближе к вечеру он почувствовал усталость. «Весна - время, когда организм слабеет», - подумал табиб.

Позже всех пришел Искандер, но он отпустил его: «Приходи завтра, завтра поговорим».

Он прошел в кухню, заварил зеленый чай покрепче, взял из узелка Нигины пирожок с зеленью и запил тремя пиалками чая. Он снял с гвоздика молитвенный коврик, но подумал, что до молитвы еще есть немного времени. Он включил телевизор - какая неожиданность! Шла передача о знаменитой девочке, клонированной десять лет назад. Стоя, он напряженно и внимательно смотрел.

- Вот, смотрите - говорил ведущий, один из американских ученых, - это та самая девочка.

Десять лет назад из мельчайшей частички человеческой ткани, в условиях специальной лаборатории мы создали первый лабораторный эксперимент. Нам многие не верили. Называли нас слугами дьявола, мошенниками. Да и сейчас среди вас есть люди, которые относятся к нам с недоверием. Пусть они смотрят и знают, мы никого не обманывали. Мы идем по пути прогресса. Будущее за нами!

- Скажите пожалуйста, мистер Смит, - задала вопрос журналистка, - эта девочка создана путем клонирования? - Она не смогла произнести слова «человек» и на минуту смешалась.

- Да говорите же «человек», не бойтесь, - перехватил нить энергичный мистер. - Так и говорите – «человек, люди». Ведь они решительно ничем не отличаются от нас.

- Я хотела именно это сказать, - продолжала журналистка.

- Неужели клон может быть человеком, неужели у нее, у этой девочки, есть душа?

- Да еще какая! Вот она - стоит перед вами, - мистер Смит поднялся с места, подошел к клонированной девочке и, взяв ее за плечи, продолжал. - Если у вас есть вопросы, сомнения, пожалуйста, поговорите с ней. И вы удостоверитесь, что она точно такая же, как ее ровесницы.

И журналистка начала задавать вопросы:

- Девочка, как тебя зовут?

- Дженифер, - ответила та.

- Очень хорошо, Дженифер, ну-ка скажи, у тебя есть подруги?

- Есть.

- Ты их любишь?

- Да, очень люблю...

- Как видите, - перехватил разговор мистер Смит, - Дженифер обыкновенная девочка.

- Не торопитесь, мистер Смит, - перехватила инициативу журналистка. - Если Дженифер такая же, как и другие, не лучше ли ей было родиться естественным путем? Зачем вообще клон?

- По всей видимости, вы недопонимаете значение мирового открытия! Человек до сего времени был игрушкой природы и случая. Клон положил конец этой несправедливости. Теперь человек станет сам себе хозяином. С этого времени его судьбу не вмешивается даже Господь Бог.

- Это как же? - не скрыла удивления журналистка.

- Очень просто. Клон - это серьезный шаг на пути человека к вечности, к вечной жизни. Например, вы попали в авткатастрофу или заболели неизлечимой болезнью. У вас ментально берут маленькую частичку ткани и вас клонируют. Ваше тело, искалеченное аварией, сразу же, пока душа не покинула Вас, помещают в другое тело, в организм, не подвергшийся разрушению или болезни, не затронутый дыханием смерти. В результате вы будете жить вечно, человек не умрет, он сравняется с Богом. Теперь человеку Бог не нужен...

Боль пронзила сердце табиба, словно кто-то сжал его рукой. Он низко наклонился и стал оседать. Мистер Смит все еще говорил, но таиб больше его не слышал...

Наутро сосед Охунджан-ака, с которым таиб ходил к утренней молитве, постучал в калитку. Ему никто не ответил. Охунджан-ака хотел было уйти, но призадумался: «Он никогда не заставлял себя ждать. Старый человек, живет один, мало ли что, нужно зайти». Охунджан-ака вошел в дом, и, увидев склоненного в земном поклоне соседа на молитвенном коврике, подумал: «Может, ему нездоровится и он решил не ходить в мечеть, а помолиться дома?» - и тихо вышел.

17

Если бы сосед всмотрелся внимательно, то понял бы, что ошибся. Табиб бьет земные поклоны, можно бы подождать окончания молитвы. Но он пошел к выходу. На самом деле, в тот самый момент, когда табиб еще вечером склонил голову в вечерней молитве, душа его покинула тело. А когда вошел сосед, он уже остыл. И труп его прильнул к молитвенному коврику. Охунджан-ака этого не заметил, он тоже был стар... А быть может, издали казалось, что табиб бьет земные поклоны и просит простить не только свои грехи, но и грехи всего рода людского и, возвеличив имя Господа, сразу же поднимет голову.

18

Часа через два после ухода старика пришедший, как обычно, к учителю Искандер сообщил людям о смерти табиба...

19

Смерть всегда права. Никто, кроме Господа Бога, не смог избежать ее. Это знают все. И все равно, каждое посещение Азраила сжимает сердце человека...

От этих смертей, случившихся одна за другой, Акбар устал. Особенно тяжело было сознавать, что нет больше табиба; сердце Акбара совершенно осиротело, опустело. Только сейчас он понял, как много места занимал в его сердце табиб и его мир. Теперь его нет. Он покинул его навсегда. И столкнувшись лоб в лоб с этой утратой, с треском стукнувшись о нее головой, жизнью, всем своим существом, он почувствовал, что как-то невероятно прозрел. Человек смертен, ему свойственно ошибаться, он не ценит сокровищ, которые рядом, и обращает взор свой на что-то далекое и непознанное. С Акбаром случилось то же самое. Он сознавал, что лишился самого близкого и дорогого в этом мире человека.

«А дети, а родные? Почему я равнодушен к ним? Они мне близки по крови. Но по-настоящему связывает людей близость духовная, единая судьба и единая участь», - думал он.

Да, Акбару никто не был так дорог, как табиб. Поэтому печаль и скорбь, какую только мог выдержать человек, обрушилась на него и поселилась в нем навсегда. Он страдал еще и оттого, что остался в полном одиночестве. А между тем рядом были жена, сын и дочь, братья, родственники... Наконец, была близкая подруга, Диана, - прекрасная любящая женщина. Нет, нет, никто не заполнит места, не заменит ему табиба: неповторимого, чуткого, труженика, большого человека, личности.

Для Акбара смерть учителя была непереносима, все в нем восставало против нее - весь его мир. И больше всего его мучило, что в последние десять лет он досыта не наговорился с учителем, не проник в его мудрость, и теперь уже никогда не узнает того, что было его тайной, сокровенными мыслями. Как только до Акбара дошла весть о смерти табиба, он тут же отправился в кишлак, и теперь, выполнив все обряды и церемонии, возвращается в город и все время думает о том, что табиб ушел совершенно безмолвно: «Он должен был оставить мне что-то - письмо, записку. Он не мог уйти не проронив ни слова, он не имел на это права. Но почему он ушел, не сказав ничего? Неужели он не знал, как мне нужно его слово, то самое главное слово? Этот вопрос Акбар беспрерывно задавал себе. «Учитель оставил письмо своему младшему ученику, Искандеру, а мне? Неужели ему нечего было сказать мне? Почему он оставил меня без самых главных ответов?»

20

Утром, когда Акбар брился перед зеркалом, Диана положила руки на его плечи и слегка погладила их.

- Тише... тише, я могу порезаться, - Акбар в зеркале взглянул на Диану. Он опустил бритву.

- Ты любишь меня? - спросила женщина, глядя через плечо на его отражение. Вопрос прозвучал неожиданно серьезно.

- Конечно, - на секунду задумавшись, ответил Акбар.

- Но...

- Что но?

- Но не так, как раньше?

- Не так.

- А разве любовь бывает разная? - приуныла Диана.

- Похоже на то, - Акбар опустил бритву в воду. - Диана, если это и не та любовь, которая была десять лет назад, все равно я люблю тебя.

- Ты очень изменился.

- Все мы изменились.

- Нет, ты изменился иначе, совсем по-другому...

- Я знаю... потому что я ждал от любви ответа на все мои вопросы...

- Быть может, вина вовсе не в любви, это моя вина...

- Отнюдь! Вина не твоя и не моя. И не вина любви.

- А чья же? Почему ты... я... так изменились? Почему мы теперь не скучаем, не тоскуем друг о друге, даже если не видимся неделями, месяцами? Раньше ведь не было так!..

Из ее глаз выкатились слезинки. Акбар положил бритву, повернулся, прижал Диану к груди и стал гладить ее волосы.

- Знаешь, эти вопросы я задаю себе всю жизнь. И не получаю ни на один из них ответа. Точнее, какие-то ответы я знаю, но ни один из них меня не удовлетворяет, скорее раздражает. Я против таких ответов, я не могу согласиться с ними.

- Какой же ответ правильный? - прошептала Диана.

- Рок, судьба. Это она сделала меня, тебя, всех своей игрушкой, это она поставила клеймо на наши лбы - и ничего больше. И с этим клеймом человек рождается и умирает. Жизнь - это движение между двумя точками - рождением и смертью. И только. Сила, вырвавшая любовь из моей и твоей груди, та же судьба, то же движение. И отомстившая тете Ларисе - тоже она. Я против этой силы, этого рока, этого движения, - понимаешь? - Акбар взял Диану за плечи и встряхнул, слова его были внушительны. - Я не

согласен с этим клеймом на лбу, с человеческой судьбой, понимаешь!..

- Акбар, Акбар! - Теперь уже Диана трясла Акбара за плечи и притягивала к себе. Глаза Акбара смотрели на Диану, но будто не видели ее, его взгляд, застыл на одной точке, поток его мыслей – это и был тот протест, тот мятеж, к которому он был намертво пригвожден, который терзал его всю жизнь. Наконец, он словно пришел в себя, зрачки его остановились на глазах Дианы. Потом... потом их заволокло слезами и Акбар, прильнув к груди Дианы, зарыдал...

21

Через некоторое время они сидели за чаем.

- Тетя Лариса оставила завещание, - сказала Диана. Его нашли женщины, прибиравшие квартиру.

- И что в нем?

- Распоряжение - кому что отдать из вещей .

- Вот как? - Акбар поднялся, будто это не имело к нему никакого отношения.

- Постой, ты не слыхал самого главного. Диана взяла его за руку и усадила на место.

- Знаешь, кому она завещала квартиру? Детям покойного Махкама.

- Неужели? Но разве договор не был расторгнут, когда вмешалась общественность? Или тетя Лариса позабыла...

- Ничуть. Хотя договор был расторгнут, тетя Лариса распорядилась отдать квартиру жене Махкама и ясно выразила свою волю.

- Да, она благородный человек, - сказал Акбар.

- Она и нас не забыла, - продолжала Диана. Мне она оставила сервиз «Мадонна», тебе - письменный стол, лампу - антиквариат...

- Правда? - Акбар поднялся и подошел к зеркалу. Он начал старательно расчесывать свои густые, вьющиеся волосы и вдруг стал приглядываться к нескольким седым волоскам на висках.

- Не обращай внимания, - подала реплику Диана, убирая со стола.

- Обращаю я внимание или нет, но мы добрались до определенного рубежа и теперь начинается новый виток. Это очень досадно... - и он так же старательно запрятал седые волоски в гущу черных прядей.

Часть третья

Акбар все еще причесывался перед зеркалом... Только... только теперь он не прятал седые волоски, наоборот, теперь он прикрывал редкие черные прядки белыми, как снег, густыми волосами. Да что говорить... За это время мало ли воды утекло? Прошло ровно двадцать лет с тех пор, как мы не имели о нем вестей. Для человеческой жизни это немало. Все это заметно при одном лишь взгляде на Акбара - на его лицо, походку. Теперь он не делал резких движений, как прежде, они были мягкими, спокойными, и в глазах, вместо прежнего огня, был глубокий покой. И все-таки весь его облик, стройная фигура, обаятельная улыбка все еще были прежними. Господь создал этого раба Божьего очень похожим на Иосифа Прекрасного. Его поседевшие густые волосы, мелкие морщинки у глаз - все это было удивительно красиво. Казалось бы, такая внешность должна была отражать внутреннее умиротворение. Однако... однако Акбар всю жизнь протестовал против судьбы, против того, что на роду написано, считая, что ее нужно сильно отредактировать. Так вот, прошло двадцать лет. Что же изменилось?

- Диана, - Акбар, положив гребенку, обернулся к женщине.

- Я хочу уехать в кишлак.

- Хорошо, я приготовлю тебе вещи. Постаревшая Диана была энергична, не желала стареть и упрямо отвергала старость. Это было видно по ее движениям и оживленному разговору. Она решила, что Акбар, как всегда, едет недели на две и, не придавая этому значения, начала складывать в чемодан самое необходимое.

Акбар взял ее за руку, усадил на край дивана и сам опустился рядом.

- Диана, я насовсем уезжаю...

- Как?... - она испугалась, - я не поняла!..

- Нет... я поняла... Только не объясняй... - Диана выдернула руку из рук Акбара и отвернулась.

- Я буду приезжать.

Диана не ответила. По лицу ее катились крупные слезы.

2

Акбар не смог ответить на вопрос Дианы о причине своего решения. И в самом деле, что произошло? Работа у него интересная, в редакции его уважают, да и он любит свое дело. Дома Диана на него не надыхнется, не знает, куда его посадить, что для него сделать? Никаких скандалов, никаких проблем. Почему он уезжает?.. Что его гонит..?

Ведь Фарида засыплет его вопросами, зачем и почему приехал. И в самом деле, зачем? И сын и дочь давно стали взрослыми, имеют семьи. Фарида вышла на пенсию, возится с внуками. Зачем он приехал? Оба они давно свыклись с тем, что живут порознь, но перезванивались, разговаривали, виделись... Что, собственно, произошло? Акбар не знал. Он знал лишь то, что перестал чувствовать пламя, горевшее в его груди, и его теперь ничто не тревожило, не терзало. Ни побелевшая, как лунь, голова, ни морщинки, расплзшиеся по лицу, - ничего!.. Куда исчез беспощадный недуг - Бунт? Этого Акбар тоже не знал. Он ничего для этого не делал. Ведь все его старания смирить сердечный ураган не увенчались успехом. Акбар понимал, что погасить огонь, который всю жизнь жег его, душу, у него не хватало сил. Нет! Нет, победить этот огонь человек не способен - это подтверждал его опыт. И вдруг случилось так, что он, огонь этот, исчез.словно его никогда не было, словно он никогда не пылал.

3

Когда он был полон сил, а глаза его сияли, и весь он был похож на ретивого коня, из под копыт которого сыплются искры, он не думал о смерти и считал, что вечен и никогда не умрет. Он спорил с Богом, укорял его за то, что человек смертен. Одно время Акбар был таким и видя себя в зеркале такого совершенного, вызывающего удивление и восхищение окружающих, он думал - неужто смерть может все это разрушить? И ему становилось грустно. Все это вместе с другими мыслями выливалось в несогласие и вызывало протест. И

наконец, сегодня, когда ему за шестьдесят, когда в глазах его погасло пламя и зрение ослабло, когда его фигура согнулась, лишилась былой стройности, когда желанья отступили, а мечты рассеялись, завтрашний день уже мало заботил его, на все он смотрел как-то равнодушно, безнадежным взглядом, и теперь смерть не вызывала несогласия, а казалась единственным избавлением, единственным спасительным выходом из клетки... старости и безысходности...

Окидывая взглядом прошлое, Акбар понимал, почему пламя протеста, преследовавшее его всю жизнь, покинуло его с молодостью, угасанием блеска в глазах, утратой сил. Да, вечный бунт - это юность, это - красота, это желание продлить прекрасную молодость и вечный протест против невозможности этого. Как только человек утрачивает молодость и красоту, он прекращает бунтовать. Потому что без молодости и красоты, без красивого тела, прекрасного высокого духа, без высоких чувств неинтересны ни этот мир, ни его вечность, они не имеют никакой ценности.

В то же время бездуховность и косность - это тупик, конец. Со временем и это порождает протест. Так думал Акбар. Человеку очень мало известно о духовном, и Акбар всю жизнь считал, что именно в неосведомленности и незнании причина страданий и несчастий. И вот теперь, когда погасло бушующее в груди пламя протеста, его перестало мучить чувство неведения. Напротив, то чувство, которое родилось вместо бунта и протеста, та готовность к повиновению и было знанием, той просветленностью, которая смыла и неведение, и косность, и досаду. То было прозрение и умиротворенность, которых он искал всю жизнь.

4

Шел четвертый месяц пребывания Акбара в кишлаке, и однажды в дверь постучал последний ученик табиба - Искандер.

- Учитель оставил вам письмо. Я принес его, - сказал Искандер, пристально глядя в лицо Акбара и протягивая письмо загорелыми чуть дрожащими руками.

Акбару стало не по себе...

- Как же так? Ведь прошло двадцать лет!..

- Учитель и мне оставил письмо, - начал объяснять, запинаясь, Искандер.

- Он просил меня, чтобы письмо, адресованное вам, я вручил, когда вы окончательно вернетесь сюда. Я выполнил его волю.

Не было необходимости объясняться дальше, а Акбар уже было раскрыл рот, чтобы выругать Искандера, но сдержался. Он протянул дрожащую руку и взял письмо из точно так же дрожащей руки Искандера. Понимая состояние Акбара, Искандер простился.

Спотыкаясь на каждом шагу, Акбар вошел в комнату, плотно закрыл дверь, зажег свет и опустил шторы, чтобы ничего не мешало встрече с дорогим человеком, встрече, которая состоялась спустя двадцать лет.

Усевшись на тюфячок, он раскрыл письмо.

5

«Здравствуй, Акбар!

Добро пожаловать, дорогой друг!

Не удивляйся...

Ты достойно прошел трудный путь почти в целую жизнь, реальный путь, предначертанный человеку. Да будет счастливым твое возвращение в отчий дом, друг мой.

Не удивляйся, теперь ты мне не сын, а брат, друг.

Ведь тебе уже шестьдесят или семьдесят. А если тебе сейчас пятьдесят, то еще лучше. Значит ты раньше достиг цели. Да ладно, главное, что ты вернулся. Благословенна твоя человечность, эй человек! Настоящая, подлинная твоя жизнь начинается только теперь. Потому что ты, наконец, избавился от мятежа, бунта, который стоял между тобою и миром, тобой и подлинной жизнью. Освободился, иначе бы ты не вернулся. Это пламя не успокоилось бы, пока не сожгло бы тебя и не развеяло твой прах, ты вернулся не в кишлак, а в свое «я», брат мой. И для возвращения в свое «я» ты прошел путь

длиною в жизнь. Тебе сопутствует удача: ты не закончил свой жизненный путь, ты прошел лишь мирской путь и у тебя это получилось. Видишь, ты начал понимать меня, без слов, без возражений, без вопросов. Это потому, что теперь мы равны.

Я не знаю, тебе пятьдесят или восемьдесят, но теперь мы ровесники, мы достигли одной цели и поэтому мы братья.

Акбар, друг мой, родной мой, посмотри вокруг, хорошенько посмотри. Кого и что ты видишь? Пустота, когда-то повергнувшая тебя в ужас, наконец расступилась? А на ее месте? Что теперь на ее месте? Посмотри внимательно, смысл человеческой жизни, смысл человечности проступает во вселенной, возникшей на ее месте. И если твои глаза видят это, читай и разумея, брат мой. Испытания, вселяющие сомнения в твою душу, пустяки, потому что твое повиновение, твоя вера, к которой ты пришел, еще не раз будет подвергнута испытаниям, знай это! Знай и то, что я также пережил все это. И, зная свои возможности, понимая, что у меня не будет времени для новой жизни и новой борьбы, я решительно воспользовался последним средством: попросил помощи у Создателя...

Я надеюсь, что Господь не пренебрежет моей просьбой. Я надеюсь, что в моей душе новый бунт не успеет родиться, я надеюсь, что никогда больше не окажусь лицом к лицу с пустотой...

Лишь одна к тебе просьба, пригляди за Искандером, если его состояние напомнит тебе о твоём вчерашнем дне, помоги ему. Помоги ему, чтобы его путь к повиновению всегда был открыт... Прощай, Акбар!..

6

Итак, Адам вместе с женой из сада Эдемского сошли на землю. Господь Бог свидетельствовал. И нарек Адам имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым. И нарек имя жене своей: Ева, что означает Жизнь.

Спустившись на землю, Адам, с первых же дней стал раскаиваться и горько сожалеть о том, что съел запретное яблоко. Днем и ночью он молил Бога простить его. Сердцем его овладели душевные страдания.

Сколько бы Адам ни старался наладить земную жизнь, она никак не могла сравниться с жизнью райского Эдема.

Адам скучал, тосковал об отсутствии общения с Господом. (Минули века, и некоторые потомки Адама оказались в том же положении, но как правило, отличались от Адама тем, что не понимали причины этого и не останавливались ни перед чем).

Жизнь в изгнании привела Адама к повиновению. Ангелы сообщили об этом Создателя и просили Его помиловать Адама.

- Хорошо, - сказал Господь в ответ. Я приму его раскаяние. Но его потомки должны пройти тот же путь покаяния, осознания, понимания, и тех, кто придет к повиновению и послушанию, я помилую. Потом, когда Адам согласился с несколькими повелениями Создателя, Господь принял его покаяние. Конечно, Он милостив и милосерден.

И выслал Господь их всех из рая на землю. И сказал: «Когда вам будет от меня наставление, все, кто пошел по праведному пути, могут не опасаться, не будет у них горестей и печалей».

7

Акбар положил письмо на низенький столик, прислонил голову к подушке и, вытянувшись, закрыл глаза. Письмо было прочитано, и Акбар испытал странное, диковинное состояние. Он лежал с закрытыми глазами и перед ним проплывала вся его жизнь - он, наконец, понимал ее, принимал и соглашался с нею. «Зачем он тогда поднял руку на ученика, зачем поехал искать деньги в чужую страну, почему не остался в своей семье, а уехал в город, а потом вернулся назад?» Теперь он это понимает. Это был тот беспощадный костер - Бунт. Акбар прочел много книг, ища свою участь в судьбах других. Один писатель заявлял: «Бунтующий человек прекрасен». Это выражение очень нравилось тогда Акбару. Ему казалось, что других способов жить нет. Теперь... теперь то пламя погасло в его груди - пламя Бунта, и он, как капитан корабля, не затонувшего в страшной буре, с наслаждением переводит дух.

Теперь в его глазах, в груди, во всем существе господствует смирение, покой, который приходит Бунта; смирение, которое поднимает человека над Бунтом.

Акбар открыл глаза, осторожно поднялся и склонившись над тетрадкой написал: «Он прошел через протест и почувствовал себя лучше, чем в то время, когда протестовал».

Затем задумался и, открыв первую страницу тетради рядом со словом «Бунт», написанным крупными буквами, написал слово «Смирение». Это название он искал много лет. И вот оно!... «Бунт и Смирение» - вот исключительно трудный путь к тому, чтобы стать человеком, вот судьба, предназначенная человеку.

8

Вручив письмо-завещание Акбару, Искандер стал часто приходить к нему, подолгу беседовать с Акбаром. И в одно из таких посещений Искандер признался: Учитель и мне оставил письмо...

Акбар знал об этом. Но он не знал, что было в письме. Он и не интересовался его содержанием: оно предназначалось не ему.

- Учитель завещал мне стать вашим учеником.

Акбар пристально глядел на Искандера, ожидая продолжения. Искандер вынул листок из нагрудного кармана и бережно развернул его. Акбар узнал бумагу. Она была точно такой же, как и та, на которой было написано письмо ему, Акбару.

Искандер начал читать лишь те строчки, которые касались Акбара: «Я надеюсь, что когда-нибудь Акбар вернется. Если до того времени буря в твоей душе не утихнет и в тебе не погаснет желание говорить со мной, походи к Акбару и стань его учеником. Если пыл твоей души не пройдет, ты непременно найдешь меня в Акбаре».

Прочитав эти строчки, Искандер снова бережно сложил письмо, и, завернув его в лист бумаги, положил в нагрудный карман.

Наступила тишина...

Акбар думал о табибе. Бог мой, как же он знал все наперед? Или тайна в смирении? Этот парень горит в том же огне. И лет ему столько же, сколько было мне, когда я ушел из кишлака, хотя он выглядит старше. Но те душевные страдания, которые он испытывает, похоже, посильнее моих. Иначе он бы женился, завел детей. Я спросил его, почему он не женился. Он ответил: «Мир совершенно непригодное для жизни место. Это был очень неудачный проект Господа. А раз так, то мир не стоит того, чтобы в нем существовать, да еще и умножать его обитателей.

Зная все это, я ни за что не отдал бы на волю безжалостного мира свое родное дитя: я не хочу, чтобы вечно продолжались страдания, унижения и горькие обиды». - Такого несогласия, такого ожесточенного протеста у меня не было и, пожалуй, у учителя тоже не было.

- Учитель, - нарушил затянувшееся молчание Искандер, - разрешите мне уйти, я вам мешаю...

Акбар проводил его. Они простились. Но пройдя несколько шагов, Акбар остановился. Он обернулся и позвал: «Искандер!» - и оба пошли навстречу друг другу. Медленно шагая, Акбар говорил будто сам себе: «Если человек добился своих желаний, если он удовлетворен жизнью, быть может, его не устрасит смерть и, когда придет его час, он без особых мучений простится с миром».

Они подошли друг к другу и остановились. Акбар положил руку на плечи Искандера. Тот был высок, одного с Акбаром роста, и очень строен.

«Но для этого, - продолжил свою мысль Акбар, - нужно пройти через сумбур в душе, через сомнения и неверие, через протест и бунт». Искандер молча слушал.

- Знаешь... нет надобности затягивать разговор. Ты... ты отправляйся в путешествие!..

- В путешествие?.. Какое путешествие? - удивился Искандер.

- Не знаю. Это ты сам решишь. Я лишь знаю то, что тебе необходимо уехать. И по-возможности скорее не мешкая.

И Акбар, словно прощаясь, крепко прижал Искандера к груди и зашептал ему на ухо: - Ты должен успеть, сын мой!..

Художественное издание

Улугбек ХАМДАМ

БУНТ И СМИРЕНИЕ

роман

Подготовка к печати: творческая группа “YOKI”
г.Ташкент, ул. Адылходжаева-61

Издательство “Zar qalam”
г.Ташкент, ул. Наваи-30.

Отпечатано в типографии ООО “Kohi nur”.
г. Ташкент, ул. Газалхон-6.

Формат 84x1081/32. Бумага офсетная. Гарнитура “Arial”.
Печатный лист-4.5. Тираж 100. Цена договорная.